ПИОНЕР

НОЯБРЬ Издательство „Правда". 1949 г. 11

№ 11

НОЯБРЬ
1949 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

ВСЕГДА ГОТОВ!

На этом снимке вы видите совет отряда 4-го класса 8-й школы города Кунцева вместе с вожатой отряда Ирой Клетеник. Новый совет отряда сразу энергично взялся за работу: в отряде проводятся интересные сборы, хорошо работают звенья, а самое главное — девочек объединяет настоящая пионерская дружба. Все пионерки упорно учатся, хорошие ученицы помогают отстающим, и ни у кого во всём отряде нет ни одной плохой отметки.

С А Л Ю Т

Рис. В. Константинова

Олег Бедарев

Над Кремлём,
Над школой,
Парком
Разноцветный
Свет
Ракет.
Кто пришёл
В Москву с подарком?
Кто принёс
Такой букет?

Сталевары,
Хлеборобы,
Инженеры,
Мастера
И отличники учёбы —
Школ советских детвора,—
Трактористы
И доярки,
Мореход
И лесоруб
Принесли стране подарки—
Свой огромный
Честный труд.

Это праздничный салют —
В честь победы пушки бьют!

И огни,
Взлетая в небо,
Прославляют
Наш народ —
Славят тех,
Кто больше хлеба
Снял с полей
За этот год.
Кто всех больше
Стали плавит,
Кто построил
К сроку дом,
Кто
Страну родную славит
Героическим трудом.

Над Кремлём,
Над школой,
Парком
Разноцветный
Свет
Ракет.
И цветёт
В салюте ярком
Слава
Сталинских побед!

Тридцать второй год Октябрьской эры

Хмурая петроградская осенняя ночь. Резкий, порывистый ветер бросает в лицо потоки дождя и хлопья мокрого снега. Наглухо затворены двери богатых домов. Тяжёлыми портьерами прикрыты высокие окна Зимнего дворца — последнего пристанища вчерашних правителей России, министров, исполнявших волю капиталистов и помещиков. Бывшие хозяева жизни притаились в страхе. Что-то несёт завтрашний день? И даже не завтрашний день, а эта ночь, ближайшие часы?..

А на окраинах, там, где, чуть ли не касаясь тяжёлых осенних туч, вытянулись к небу фабричные трубы,— на Выборгской, за Нарвской, близ Невской заставы — там

Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гула
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулемётчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там.
— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт! —
— Есть! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло
— «Аврора».

«Аврора»... При этом имени встаёт перед глазами виденное на картинах, прочитанное в книгах: могучий корабль на свинцово-тяжёлой Неве, луч прожектора, разрезающий ночную тьму, яркая вспышка пламени, вырвавшаяся из грозного орудийного дула.

«Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 Октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции»,— так написал товарищ

Самоотверженно трудились в этом году советские люди, стремясь скорее завершить послевоенную сталинскую пятилетку. И они с гордостью могут сказать, что выполнили свои обязательства. На этих снимках вы видите передовиков промышленности и сельского хозяйства. На левом снимке — стахановцы сталелитейного цеха Харьковского тракторного завода имени Орджоникидзе: Л. Громыко, который выполнил пятилетнюю норму за три с половиной года, и В. Рудь, выполняющий норму на 150 процентов. На правом — лучшая звеньевая колхоза имени Кагановича, Ново-Титаровского района, Краснодарского края, комсомолка Клавдия Бессонова. Она со своей молодёжной бригадой получила лучший в колхозе урожай зерновых. Колхоз имени Кагановича досрочно выполнил свои обязательства перед государством.

Сталин в своей книге «Краткий курс истории ВКП(б)».

Были революции, были мощные народные восстания и до октября 1917 года, но даже самые победоносные из них не принесли трудящимся свободы и счастья. На место одного класса эксплоататоров приходил другой: рабовладельцев сменяли феодалы, феодалов — капиталисты. Менялись способы, с помощью которых принуждали бедных служить богатым, а бесправие, нищета и тяжкий труд оставались.

Только Октябрьская революция освободила народ от векового гнёта, сделала его хозяином всех богатств страны, позволила людям свободно и смело смотреть в своё будущее и строить новую, счастливую и справедливую жизнь.

Год проходил за годом. Молодое государство росло и крепло. Выросли на его необозримых просторах новые чудо-заводы, зашумели колхозные сады и нивы, засверкали огни электростанций на быстром Волхове, на широком Днепре, на тёплом, южном Рионе, на холодной, полярной Туломе.

Радостно и гордо трудился освобождённый народ. Он укрощал буйные реки, возводил плотины, соединял моря, орошал сухие, опалённые зноем степи, покорял суровый Север. Полярные льды расступались перед советскими ледоколами, горы и недра раскрывали учёным свои сокровища.

Это стало возможным потому, что Октябрьская революция изменила людей, воспитала в них новое отношение к жизни, к труду, к общественному долгу. Она создала людей новой эры, раскрыла в них неисчерпаемые источники героизма, мужества, творческого дерзания. Народ, скованный веками, развернул, как Илья Муромец, свои могучие плечи и стал совершать богатырские подвиги.

Миллионы советских людей отдавали все силы свои и знания, всю изобретательность, чтобы год от года становилась богаче и могущественнее социалистическая Родина, становилась лучше и счастливее жизнь.

Стоило одному совершить подвиг в труде, как за ним появлялись сотни и тысячи других, которые начинали работать так же хорошо и даже ещё лучше.

Алексей Стаханов дал 15 норм за смену в своём забое, и вот появились стахановцы не только в шахтах, но и у станков, и у паровозных топок, и на колхозных полях.

Так было во все годы, что протекли с той ночи, когда прогремели выстрелы «Авроры». Так было и в нынешнем, тридцать втором году Октябрьской эры.

Как много совершилось за один только год! Порою трудно и поверить, что за 365 дней можно столько сделать!

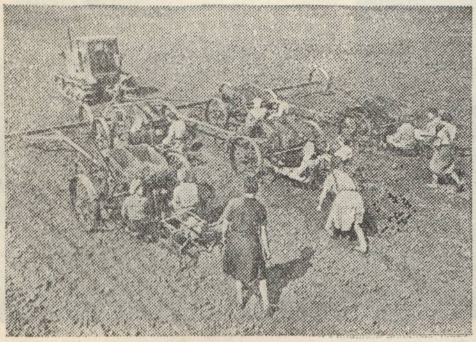
Упорно, самоотверженно и настойчиво трудились советские люди, чтобы выполнить сталинскую пятилетку в четыре года.

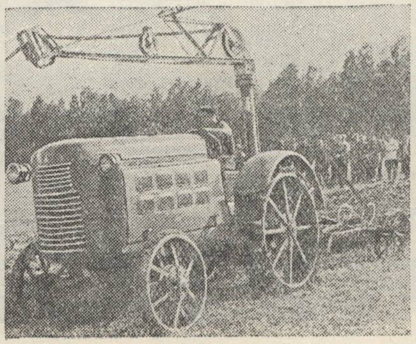
Московский ткач Александр Чутких создал первую в Советском Союзе бригаду отличного качества. Чтобы до срока выполнить пятилетку, чтобы дать стране много прочных, красивых тканей, его бригада обязалась выполнять своё дело только на «отлично».

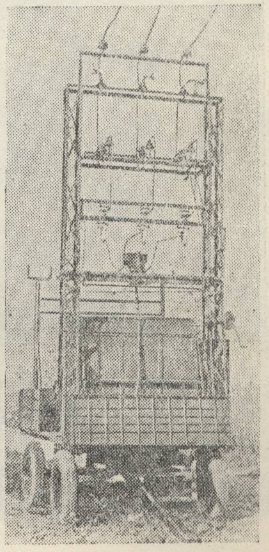
Хорошее дело у нас всегда находит отклик. Бригады, участки, цехи отличного качества возникли на всех фабриках и заводах.

У Александра Чутких появились последователи и на колхозных полях. Бригада кубанского тракториста Ивана Шацкого стала пахать, сеять,

Каждый год на колхозные поля приходят новые сельскохозяйственные машины, облегчающие труд людей, дающие им возможность собирать всё большие и большие урожаи. На снимках справа вы видите новый электротрактор «Москва» и передвижную электростанцию, от которой он получает питание. Скоро такие тракторы появятся во многих колхозах нашей страны. На левом снимке показан агрегат лесопосадочных машин. Новые лесопосадочные машины помогают скорее осуществлять великий сталинский план преобразования природы.

ухаживать за посевами и убирать урожай только на «отлично». На призыв Ивана Шацкого отозвались трактористы Украины и Кубани, Алтая и Поволжья. Тысячи тонн золотого зерна прибавились к колхозному урожаю в результате отличной работы трактористов.

«Не только выпускать отличную продукцию, но и беречь каждый килограмм материала, каждую народную копейку» — такую цель поставили перед собой Мария Рожнева и Лидия Кононенко, работницы-комсомолки Купавинской фабрики. Из пряжи, которую они сэкономили, было выткано 600 метров сукна. Теперь десятки тысяч ткачей, сталеваров, строителей и шахтёров работают отлично и экономно, как Мария Рожнева и Лидия Кононенко.

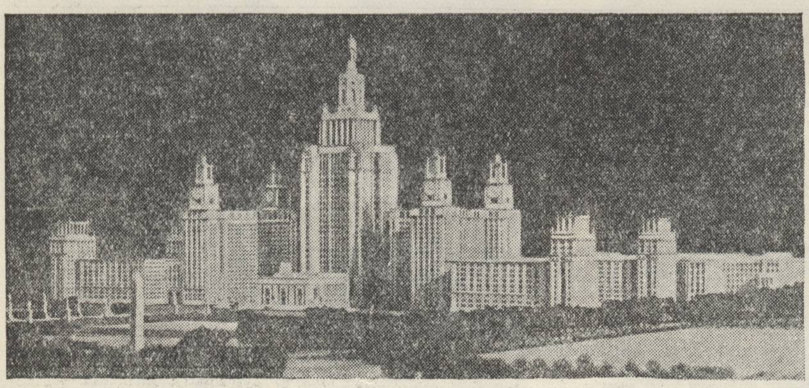
Труженики колхозных полей, тщательно ухаживая за посевами, используя достижения передовой, мичуринской науки, вырастили в этом году богатый урожай. Погода в большинстве районов страны стояла на редкость плохая и капризная. Когда нужны были дожди, их не было, когда пришла пора убирать хлеба, пошли дожди. Не просто было вырастить посевы в таких условиях. Это был героический труд, и он завершился победой. Одна за другой республики, края и области Советского Союза сообщали товарищу Сталину, что хлеб убран, план хлебосдачи завершён раньше, чем в прошлом году. Вместе со взрослыми славно потрудились на полях и ребята. Много тонн зерна намолочено из собранных ребятами колосков.

Сотни колхозников и колхозниц стали мастерами замечательных урожаев и были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Этого высокого звания удостоена и грузинская школьница Сурия Челибадзе из колхоза имени Кирова, Кобулетского района. Сурия — отличница, она прекрасно учится в школе и вместе с тем заботливо ухаживает за чайными кустами, выращивая два листика там, где раньше рос один. Она попросила правление колхоза выделить ей участок. И с этого участка Сурия собрала богатейший урожай. Золотая Звезда Героя — награда трудолюбивой и настойчивой школьнице-комсомолке. Сурия Челибадзе — вожатая пионерского отряда. Своим примером учит она пионеров трудолюбию, упорству и настойчивости.

На тридцать втором году Октябрьской эры страна наша начала осуществлять созданный товарищем Сталиным грандиозный план переделки природы. Брошены в землю первые семена, посажены первые ряды саженцев, из которых вырастут зелёные дубравы. Они преградят дорогу суховеям, изменят климат степной полосы, сделают ещё богаче и красивее жизнь советских людей. Через много лет, когда посаженные нынче деревца поднимутся, сомкнутся кронами, придёт в зелёную сень учитель с учениками и скажет ребятам:

— Эти леса были заложены на тридцать втором году Октября. И ваши отцы — они были тогда пионерами — вложили свой труд в великое дело перестройки природы. Они собирали жёлуди, из которых выросли вот эти дубы, они выхаживали молодые сеянцы в своих школьных лесопитомниках, они с любовью выращивали и охраняли молодые деревца.

Забота о народе, о его благосостоянии руководит каждым начинанием партии большевиков и советского правительства.

Грандиозное строительство идёт в нашей стране. Нет такого города, нет такой деревни, где не строились бы новые красивые дома, больницы, театры, клубы. Страна преображается. Тысячи советских архитекторов трудятся над тем, чтобы сделать её ещё красивее, ещё лучше. Посмотрите на эти снимки. Величественное здание, которое вы видите, — это макет Государственного университета на Ленинских горах в Москве. Это будет целый дворец науки. За свой замечательный проект архитекторы Л. Руднев, С. Чернышёв, П. Абросимов и А. Хряков получили Сталинскую премию. Внизу вы видите красивый дом, выстроенный совсем недавно в кизлярском колхозе-миллионере «Вперёд». В нём помещается правление колхоза.

В этом году за школьные парты сели 35 миллионов мальчиков и девочек Советского Союза. Типографии отпечатали для них сотни миллионов учебников, строители отстроили сотни новых светлых и просторных школьных зданий. В то время как в капиталистических странах миллионы детей остаются безграмотными, в нашей стране учатся все дети. А с нынешнего года все ребята должны обязательно окончить семь классов. Так решило советское правительство.

Огромный размах в этом году приняло строительство жилищ. Тысячи семейств рабочих, служащих, колхозников к Октябрьским дням переселяются в новые дома. В столице нашей Родины Москве строятся красивейшие высотные здания. Шесть новых станций метрополитена примут вскоре первых пассажиров. И в каждом городе, каждом селе трудящиеся готовят славные подарки матери-Родине, чтобы достойно завершить ещё один год Октября.

В труде и творчестве, в стремлении к знаниям и совершенствованию прожила этот год наша страна. И чем больших успехов достигала она, тем больше злобствовали наши враги — все, кто привык жить чужим трудом, наживаться на чужом горе, на чужой нужде. Капиталисты Соединённых Штатов Америки и Англии объединили вокруг себя все чёрные силы реакции, всех, кто тянет мир назад. Они пытаются разжечь новую войну.

Но на страже мира стоит Советский Союз, стоит великий Сталин. Вокруг нашей страны сплотились все друзья мира. По примеру советского народа строят новую жизнь, без помещиков и капиталистов, без иностранных банкиров и генералов, народы Болгарии и Румынии, Венгрии и Чехословакии, Польши и Албании.

Полтора месяца назад, 1 октября нынешнего года, на огромной площади перед бывшим императорским дворцом в Пекине, столице Китая, был поднят новый китайский национальный флаг — красное полотнище с золотыми звёздами. Орудийный салют возвестил о рождении нового Китая — Народной республики Китая. Отныне весь 475-миллионный китайский народ будет, как и мы, по-новому строить свою жизнь.

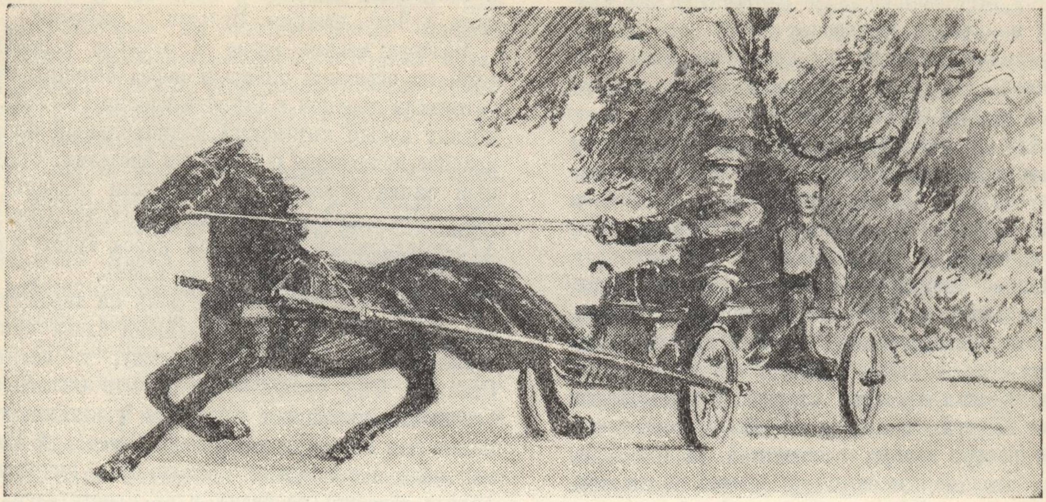
Все, кто выступал в тот день на торжественном митинге в Пекине, обращали слова признательности к Советскому Союзу, к великому Сталину. Они говорили о том, что Октябрьская революция указывает путь всем угнетённым народам, что исторические победы Советского Союза, его мощь и сила дали возможность китайскому народу сбросить со своих плеч угнетателей. Так выстрелы «Авроры» через тридцать два года отозвались в торжественном салюте на Дворцовой площади в Пекине.

* * *

Готовые к новым подвигам встречают советские люди праздник Октября. Они уверенно смотрят в будущее. Они знают, что детям своим передадут в наследство могучую красавицу-страну, светоч и надежду всего трудового человечества. И они хотят, чтобы их дети были достойными наследниками того, что отцы добыли в боях и в труде, чтобы выросли они преданными Отчизне патриотами, чтобы они много знали, были сильными, упорными и трудолюбивыми, чтобы могли они нести вперёд и вперёд знамя Октября, знамя Ленина — Сталина.

Советский Союз крепко стоит на страже мира. Его поддерживают сотни миллионов трудящихся всех стран. Они объединились в едином стремлении отстоять мир, разрушить преступные замыслы империалистов, пытающихся развязать новую войну. В первых рядах борцов за мир стоит демократическая молодёжь. Вы видите на этом снимке венгерских пионеров, они приветствуют второй Всемирный конгресс молодёжи, который проходил в сентябре этого года в Будапеште. «Напрасно поджигатели войны пытаются расколоть молодёжь, чтобы осуществить злодейские замыслы. Наш ещё более тесный союз сделает наши силы ещё более и более могущественными», — так заявила в своём манифесте многомиллионная молодёжь мира.

В селе Кущовке

Рассказ Б. Шатилова

Рис. Ф. Лемкуля

Прошлым летом мне пришлось побывать в Пензенской области, в колхозе «Восход». Поселился я у бригадира Андрея Никитича Державина, человека уже пожилого, добродушного, большого любителя чтения, особенно исторических книг.

С утра обычно Андрей Никитич, жена и дочка его Наташа уходили на работу. Я занимался своими делами или отправлялся на колхозные фермы, пасеку, электростанцию, мельницу. А вечерами мы собирались в садике возле дома Андрея Никитича, где под зелёным навесом старой черёмухи стояли стол и две скамейки, врытые в землю. Тут мы ужинали и потом долго сидели за самоваром, пили чай и беседовали, наслаждаясь прохладой после жаркого дня и той удивительной тишиной, какая бывает только в деревне летним вечером.

Как-то раз сидели мы так с Андреем Никитичем, жена его мыла посуду, а Наташа поливала цветы. Вдруг звонко зацокали копыта, и мимо садика по асфальтированному шоссе промчался породистый караковый жеребец, запряжённый в дрожки. Усатый колхозник правил лошадью. За спиной у него сидел белокурый кудрявый паренёк лет пятнадцати. И так они быстро промелькнули за частоколом, что у меня в глазах зарябило.

— Наш «Алмаз», — сказал Андрей Никитич. — Настоящей орловской породы! Раньше только князья да графы держали таких!.. А усач этот — наш старший конюх, Иван Васильевич, хороший наездник.

— А что это за паренёк с ним? — спросил я. — Сын его, что ли?

— Нет, это Федя Кривцов. Заядлый лошадник!

— Я вчера видел его на пасеке и прямо удивился, как он ловко и смело вынимал рамы из ульев.

— А он, между прочим, хороший пасечник, — сказал Андрей Никитич, и в голосе его прозвучало уважение. — У него отец — большой знаток этого дела. Он-то и поставил нам пасеку. И дома у него ульев десять есть. Но отцу и на колхозной пасеке дела хватает. Так дома больше Федяшка за пчёлами ухаживает.

— Что же, он и пасечник и лошадник, как вы говорите?

— И столяр, и плотник, и яблоню привить сумеет. Что хотите вам сделает. Да это-то пустяки! У Феди есть своя, особая заслуга. Но это вам Наташа лучше меня расскажет. Наташа, довольно тебе там, садись к нам, расскажи, как Федя у вас в общежитии-то...

— О-о! Сейчас, сейчас!.. — сказала Наташа, садясь за стол рядом с отцом и вытирая руки; она уже привыкла ко мне и нисколько не стеснялась. — Поселились мы в прошлом году в общежитии в Кущовке...

— Подожди, Наташа, — перебил я. — Я ведь не знаю, что это за Кущовка и почему вы поселились в общежитии. Ты уж поподробней рассказывай.

— Ну, хорошо, расскажу с самого начала. Кончили мы в прошлом году нашу школу-семилетку. Большинство ребят подали заявления в разные техникумы, а мы вчетвером: я, Федя, Вася Толчёнов и Таня, дочь председателя колхоза, — решили пойти в десятилетку, а потом поступить в университет или в институт. Как раз в это время в девяти километрах от нас, в Кущовке, открылась десятилетка. Школа там хорошая, на всю область славится, а главное, недалеко: каждую субботу на воскресенье можно будет домой приходить. Вы не были в Кущовке? Ох и красиво там! Школа двухэтажная, стоит на горе. Со второго этажа глянешь в окно — и далеко-далеко всё видно. Вокруг школы сад,

и вниз к речке спускается большой пришкольный участок. В самом центре участка беседка, обвитая плющом и хмелем.

Первого сентября, рано утром, сели мы трое на наш колхозный грузовик и поехали в Кущовку. А Федя как раз перед этим простудился и дома остался. Утро было хорошее, а ехали мы невесёлые, боязно было: как-то мы теперь одни будем жить?

Приехали прямо в общежитие — в большую, светлую избу, недалеко от школы. В избе две комнаты: одна — для девочек, другая — для мальчиков — и кухня с большой русской печкой. В кухне жила сторожиха Аграфена Даниловна. В комнатах по стенам кровати стоят, посредине большой новый стол, новые табуретки. Над столом провод с электрической лампочкой. Неуютно, голо, так бы и убежала домой!

Собралось нас восемь девочек и пять мальчиков. Аграфена Даниловна строго сказала нам:

— Ну, а теперь, мои милые, уговор дороже денег. Если учиться приехали, учитесь, никто вам слова худого не скажет, а если дурить да безобразничать, уж лучше сейчас домой уезжайте. Безобразничать никому не позволю. Это — первое, а второе — печку буду топить раз в день, на рассвете. Так что с вечера заготовляйте в чугунках, кому что сварить, и ставьте чугунки на стол возле печки. Ну, а теперь я самовар поставлю. Попейте чайку и бегите в школу.

Повернулась и ушла. И такой она показалась нам неприветливой!

С утра мы были заняты: уходили в школу. А вот как кончатся уроки, кущовские ребята бегут домой, а нам завидно. «Счастливые!» — думаем. И, как сироты какие, бредём в общежитие. Мальчики у себя сидят, к нам не заходят, и мы к ним не заглядываем. И Аграфену Даниловну боимся. Выучим уроки и вдвоём с Таней выйдем, походим вокруг общежития, а потом поужинаем, вымоем посуду, начистим картошки, выставим свои чугунки к печке и скорее спать. Засыпаешь и думаешь: «Скоро ли, скоро ли суббота?».

Так и скучали мы, пока не приехал Федяшка. Однажды утром, только мы позавтракали и собирались в школу, вдруг раскрывается дверь, и с мешком за спиной входит Федяшка. Пиджак нараспашку, кепка на затылке, лицо всё в саже. Одни глаза блестят. Со лба по щекам пот ручьями бежит.

Наша Аграфена Даниловна так и обомлела:

— Господи! Да неужто ты к нам? Да откуда же ты взялся такой?

А Федяшка бросил у порога мешок, вытер лицо рукавом и говорит:

— А вы, бабушка, не пугайтесь. Это я сейчас пожар тушил. Потом три километра бегом бежал, боялся в школу опоздаю.

— Где, какой пожар? — забеспокоилась Аграфена Даниловна.

— Да вот... в деревне... Песчанка, что ли, называется? Еду с попутной машиной, только въехали мы в деревню, вдруг выбегает на крыльцо старушка и кричит: «Горю! Горю!». Мы сразу — стоп! И к ней в избу. Оказывается, сажа в трубе загорелась. Я залез на крышу, сажу затушил, а заодно уж и трубу почистил. Надо же бабушке печку топить. Слез, смотрю, у крыльца лежит мой мешок, а шофёра и след простыл, уехал.

— А-ах, страсть какая! — волновалась Аграфена Даниловна.

— Ну, какая там страсть! Где бы это умыться, а то в школу опоздаем...

— Сейчас, сейчас!.. Горячей водички достану! Холодной разве отмоешься!

И засуетилась наша Аграфена Даниловна. Достала из печки чугун с горячей водой, своё полотенце вынула и такая вдруг приветливая стала. Хотела чаем напоить Федяшку, да он отказался, вынул из мешка две пышки, сунул в карман и пошёл с нами в школу.

После школы пообедали мы, Федяшка зашёл к нам в комнату, посмотрел и покачал головой:

— Ну и живёте вы тут! Хоть бы цветы на окна поставили, занавески повесили! У цыган в шатре и то веселее!

Повернулся и ушёл. А мы переглянулись и думаем: «Верно, как это нам раньше в голову не пришло? Живём, как в сарае...»

Федяшка и все мальчики куда-то ушли, а мы сели уроки учить. Через полчаса слышим, у крыльца наши ребята что-то строгают, пилят. Потом слышим, Сергей Александрович, директор наш, о чём-то с ними разговаривает, смеётся, он любит пошутить с ребятами. Поговорил и к нам зашёл в общежитие.

Мы встали. Он говорит:

— Сидите, сидите! — и сам сел на табурет.

— Ну, как вы тут живёте, девочки?

— Хорошо живём, — говорим.

...вдруг раскрывается дверь, и входит Федяшка.

— Ну вы молодцы. Вот уж третий раз захожу, и вы всем довольны. У вас у всех, должно быть, характер спокойный, покладистый. А вот Федя Кривцов только приехал, дня не прожил, а уже недоволен, претензии заявляет. Говорит, больно уж голо в общежитии. Книги, мыло, зубной порошок, самую мелочь — и то положить некуда. Я говорю ему: «А как же девочки, нашли место, всё на подоконник кладут!». А он: «Да ведь это, Сергей Александрович, пока вторые рамы не поставили, а вставим, всё будет на пол падать». «Ну, — говорю, — хватит с тебя места». А он опять, такой напористый: «Ну, даже если и хватит, так зимой-то окна замёрзнут, начнут оттаивать и всё потечёт на книги! Мы уж лучше полки себе сделаем, повесим над кроватями и всё на них будем класть». И слышите, строгают... Взяли у завхоза инструменты, доски и мастерят. По секрету мне сказали, что и вам сделают. Ведь, вот беспокойный парень! Без него-то как хорошо у вас было! Верно я говорю?

И засмеялся. И мы засмеялись, только нам стыдно стало. Мы поняли, что он Федей-то доволен, а нами совсем недоволен. Потом он перестал шутить и говорит:

— Есть такие люди, которых, куда бы судьба ни закинула, хотя бы на самое короткое время, они устраивают свою жизнь так, как будто весь век тут собираются жить. А другой и двадцать лет живёт на одном месте и всё как будто на отлёте себя чувствует, гвоздя в стену не вобьёт.

Нам и совсем уж стыдно стало. Одна девочка, Женя Кротова, говорит:

— А мы уже решили, Сергей Александрович, в понедельник принесём из дома горшки с цветами, занавески на окна, портреты на стены повесим.

— Вот это хорошо! Только не надо всё это из дома нести. У нас при школе есть теплица, видели сколько цветов? Выбирайте любые. У нас ребята всё своими руками делают. Сами сад развели, теплицу построили, огородили пришкольный участок. И вы от них не отставайте. Пойдите к завхозу и возьмите всё, что вам надо. Ведь вам в общежитии три года жить!

Когда он ушёл, Таня сгоряча накинулась на Женю Кротову:

— Ну, как тебе не стыдно чужие мысли выдавать за свои? Федя сказал про цветы, а ты: «Мы уж решили...»

— А вы не ссорьтесь попусту, девочки, — сказала Аграфена Даниловна из кухни. — Иной и первый скажет, да толку мало, важно, кто первый дело сделает.

Выучили мы уроки, сбегали к завхозу и стали шить занавески и абажур на лампу делать.

На другой день мальчики торжественно, с пением марша, принесли и повесили у нас над кроватями аккуратные полочки. А мы им подарили за это красивый жёлтый абажур и занавески.

Комнаты наши сразу веселее, уютнее стали.

Вечером слышим: мальчики то тихо сидят у себя, и только Федяшка что-то бубнит, а то дружно начинают хохотать.

— Чего вы там? — кричим.

— Чехова читаем, — отвечает Федя. — Хотите послушать? Идите к нам.

Мы гурьбой к ним со своими табуретками. Весь вечер Федя читал, а мы слушали. И так хорошо нам было! А на другой день после обеда все мальчики наши с кущовскими ребятами уехали в лес за дровами для общежития. А мы в это время убрали мусор вокруг дома, подмели у крыльца, песком посыпали.

Уже на закате подъезжает машина. Высоко на дровах сидят наши ребята, весёлые, и кричат:

— Принимайте подарки!

И подают нам ведро с рыбой. В лесу, оказывается, озеро есть. Кущовские ребята из-за рыбы-то и ездили, бредень с собой брали. Нашим ребятам больше полведра досталось.

— А вот и ещё вам подарок! — и подают корзину с грибами. — Мы дрова будем разгружать, а вы жарьте грибы и варите уху на всю братию!

Аграфена Даниловна не любила стряпать на тагане на загнетке и нам не разрешала, а тут развела огонь, поставила два тагана — на один сковородку с грибами, на другой — большой чугун с ухой. Порылась у себя в сундуке, пошуршала бумагой, вынула лавровые листья и сунула в уху.

Ребята разгрузили дрова, умылись и затворились у себя в комнате. Шепчутся о чём-то и смеются. Вдруг раскрывается дверь из сеней, входит небольшой паренёк в пиджаке, в шапке, в очках, на боку полевая сумка. А в кухне темновато было, свет ещё не зажигали. Вошёл и басом:

— Вот письма примите.

А сам нагнул голову, роется в сумке. Подаёт один треугольник мне, другой — Аграфене Даниловне. Шагнул к ней, к печке, к огню, а она вдруг:

— Ах ты, шут гороховый! Никак мои очки-то надел?! Без глаз меня хочешь оставить? — и сдёрнула у него с носа очки.

«Почтальон» хохочет, и ребята распахнули дверь и тоже смеются. Это, оказывается, Коля Бычонков нарядился, вылез в окно и явился с крыльца почтальоном.

И мы прочли: «Приглашаем вас на объединённое собрание артели с колхозом.

Повестка дня:

1. Отчётный доклад рыболовецкого колхоза «Налим» имени Чехова.

2. Отчётный доклад промысловой артели «Опёнок».

После доклада товарищеский ужин на 15 персон».

Уха сварилась, грибы зажарились, и мы первый раз сели ужинать все вместе за одним столом, у нас в комнате. Хлеб нарезали на одну общую тарелку. Аграфену Даниловну усадили на почётное место, поставили перед ней чугун с ухой, и она, как мать, наливала всем в тарелки уху.

Ребята рассказывали, как они ловили рыбу. У них там столько приключений было! А может быть, они и выдумывали что-нибудь для веселья.

Мы смеёмся, а Аграфена Даниловна унимает нас:

— Да что вы, как гуси, гогочете! Уха-то стынет!.. Вася, Федя, давайте, я вам подолью.

А мы ещё пуще смеёмся:

— Ага! Вот они объявились, любимчики Аграфены Даниловны!

— А что ж, разве плохи? Уж я выберу, не промахнусь!

И разошлась наша Аграфена Даниловна, сама стала шутить с нами.

На другой день была суббота, а нам уже и домой не так хотелось уходить.

В понедельник у нас получилась неприятность, пустяковая, а всё-таки неприятность. Вечером мы пилили и кололи дрова. Наработали хороший аппетит. Сели ужинать все вместе в нашей комнате, всяк из своего чугунка. Не было с нами одного Юрки Скворцова. Он относил пилу завхозу.

Вася Толчёнов... Вы его не видели? Он с виду ленивый, рассеянный, а за что ни возьмётся, скорее всех сделает. Всегда первый выучит уроки и других подгоняет. С Федей они большие друзья. С ним-то и случилась неприятность. Налил он супу, съел, стал выливать остатки, опрокинул горшок над миской, в миску плюхнулся кусок мяса. А Вася вдруг покраснел и ложку бросил на стол.

— Принимайте подарки! — кричат нам ребята.

— Фу ты! Да ведь это я чей-то чужой... Я мяса не варил.

И как раз в это время Юрка Скворцов несёт из кухни горшочек с таким видом: «Ну уж и покушаю сейчас!». Поставил на стол и тоже в недоумении: горшок-то не его.

— Это я, Юрка!.. Ты уж извини!.. Я мясо-то ещё не ел!..

Юрка был недоволен, хоть и старался сделать вид, что ничего не произошло:

— Да ешь и мясо. Подумаешь, дело какое!

А нам смешно и досадно. Досадно, что так с Васей случилось, и смешно, что Юрка рассчитывал всласть поесть и с носом остался.

Утром идём в школу. Мы с Федей немного отстали от ребят. Он говорит:

— Как неладно вчера получилось! До чего мне надоели эти наши чугунки! Честное слово, взял бы и шарахнул их со стола, чтоб и духу их не было. Живём все вместе, учимся вместе, всё делаем вместе, а как за еду, так все врозь. Как единоличники какие!

— А давайте сложим все продукты и будем варить в одном чугуне. Это ведь в голову не приходило, а я уверена, все согласятся.

— Нет, надо поговорить с Сергеем Александровичем, пусть он прикажет, чтоб никаких чугунков этих не было. Понимаешь, его-то ребята послушаются.

Сергей Александрович как раз стоял на крыльце с ребятами. Мы отозвали его в сторону. Он выслушал, обнял Федю за плечи и говорит:

— Милый мой, дома-то начинают строить не с крыш, а с фундамента. Крыша на воздухе ничьим приказом держаться не будет. И вам прежде всего надо подвести фундамент, сколотить в общежитии хороший, дружный коллектив, чтоб все были, как один, и тогда уж предложить ребятам. Надо и родителей спросить, чтобы не было никаких недоразумений. Ну, бегите в класс. Звонок уже был.

Погода все дни стояла тёплая, солнечная. Мы то в лес ходили всей школой, собирали жёлуди и сдавали в лесничество для посадки в степных областях, то картошку копали, помогали колхозу, то деревья сажали вокруг общежития, всё время были в работе. А вечером сидели на крыльце, пели песни и расска-

зывали разные истории. Вечера тоже тёплые, звёздные были.

Через несколько дней Федя говорит мне:

— Ну, сегодня после ужина попробую, поставлю вопрос о ликвидации чугунков. Я всех изучил, знаю, кто будет возражать. Вы с Таней поддерживайте меня понапористей.

Сели мы ужинать. У Феди вид торжественный, как будто перед боем. А боя-то и не получилось.

Когда мы ужинали, вошла Аграфена Даниловна, встала у двери и закачала головой:

— Господи, на столе-то у вас!.. Как в горшечном ряду на базаре!

Все засмеялись, а она:

— Вам-то смешно, а мне каково орудовать с четырнадцатью чугунками, с такой мелочью, да ещё мой пятнадцатый...

И вдруг Юрка, тот, кого мы больше всего опасались, говорит:

— Да выкиньте вы их, Аграфена Даниловна, за дверь, варите в одном чугуне!

— Конечно! Конечно! Чего вам мучиться! — загалдели ребята.

Федя глянул на меня и захохотал.

— И вы все... все согласны? — закричал он, вскакивая.

— А почему же не согласны? Конечно, согласны!

— Ура-а! — закричал Федя, и все ребята за ним. — Горшечный ряд ликвидируется!

— А уж мне-то как хорошо! — обрадовалась Аграфена Даниловна. — Вы только картошку помогайте мне чистить, да дров и воды наносите, а с остальным я сама управлюсь.

На другой день в субботу, после уроков мы вчетвером сразу же ушли домой. Федя был весёлый, всю дорогу балагурил и вместе с Васей сочинил смешную былину о нашем житье-бытье в общежитии. Вот какую:

Как во славном селе во Кущовке
Жили добры девицы да безусы молодцы,
С Аграфеной свет Даниловной.
Уж как брали они грозны палицы,
Выходили войной на горшечный ряд,
Как шарахнули со всей силушкой,
Так и брызнули черепушечки,
Зазвенели, полетели, словно пташечки!

В понедельник утром приехали мы в общежитие. Смотрим, Аграфена Даниловна на столе у печки выстроила в ряд чугунки, а рядом поставила большой чугун и спрашивает:

— Ну, как варить-то будем? В мелких пташках или в большом орле?

— В большом орле! — хором закричали ребята и сейчас же вынесли чугунки в чулан.

С тех пор стали мы жить по-другому.

— Эх, ты! — ласково улыбаясь, сказал Андрей Никитич. — Так рассказала, как будто Федяшка-то и не при чём. Не понимает того, что дружба-то крепнет в труде, не в безделье. Федяшкина заслуга в том, что он и сам трудолюбив и других умеет втянуть в работу. Да вот посмотрите сами!..

И он кивнул головой на шоссе, по которому группа ребят во главе с Федяшкой с грохотом катила пустые бочки.

— Федя, куда это вы? — закричала Наташа.

— На пасеку. Завтра будем мёд качать. Приходи, угощу!

ДВЕ ЯБЛОНИ

Ливиу Деляну

Стареет наша яблоня у дома...
А помнишь ли, нарядна и стройна,
Друзей встречая шелестом знакомым,
Из года в год весной цвела она?

Смотри, как время яблоню согнуло.
Стара она, немало ей годов.
Она весною листья развернула,
Но осенью не принесла плодов.

Ей страшен даже самый слабый ветер,
Редеют листья, сморщилась кора,
Но как за ней ухаживают дети,
Все пионеры с нашего двора!

Они об этом прочитали в книжке,
Чем поливать, как срезать сук больной,
Ствол обернут соломой ребятишки,
Чтобы не мёрзла яблоня зимой.

Готовы дети, рук не покладая,
Работать на участке круглый год.
У яблони есть внучка молодая —
У нашего окна она растёт.

И яблоня с морщинистой корою
Довольна, что в тени её ветвей
Зазеленело деревцо другое
И скоро зацветёт на смену ей.

Перевод с молдавского **З. Александровой**

В СВОБОДНОМ КИТАЕ

Больше ста лет боролся китайский народ против помещиков и капиталистов, против иностранных захватчиков. И наконец он одержал великую победу. В октябре этого года в Китае была провозглашена Народная республика. Веками задавленный китайский народ стал хозяином своей страны и начал строить новую счастливую жизнь.

Эти снимки рассказывают о жизни Народной республики Китая. Вы видите здесь портрет вождя китайского народа, председателя Центрального народного правительства Народной республики Китая Мао Цзе-дуна. Справа вверху — демонстрация в древней столице Китая — Пекине. Десятки тысяч жителей вышли приветствовать Народно-освободительную армию, которая освободила их город в начале нынешнего года. На среднем снимке: китайские дети, нарядные и радостные, с цветами в руках встречают Мао Цзе-дуна и главнокомандующего Народно-освободительной армией генерала Чжу Дэ.

Новое правительство конфисковало земли помещиков и капиталистов и отдало их крестьянам. Вы видите на нижнем снимке, как крестьяне меряют землю, отобранную у помещиков.

Что такое героизм?

(Из заметок учительницы)

Ф. Вигдорова

В вестибюле школы уже две недели висит большое объявление:

Готовьтесь к диспуту на тему „Что такое героизм?"

Диспут устраивают комсомольцы. В библиотеке небывалый спрос на книги о великих людях, о гражданской и Отечественной войнах, в коридорах то и дело слышишь разговоры на эту тему.

— Марина Николаевна, а нас пустят на диспут? — спрашивает меня Саша Гай.

— Нет, диспут для старших классов.

— Почему? — в голосе Саши обида.

...Наступает очередной клубный день. Школьный зал переполнен. Кроме наших старшеклассников, пришли гости — ученицы соседней женской школы и бывшие наши выпускники, а теперь студенты.

Я сажусь у окна, смотрю, слушаю, вспоминаю свои школьные годы. Рядом со мной садится вожатый Лёва.

Раздаётся звонок. Постепенно водворяется тишина, и на трибуну поднимается председатель диспута Людмила Филипповна — наш директор, — а за ней — Юра Лаптев. Он делает вступительное слово.

Случайно я оглянулась и вдруг увидела у самой двери Толю Горюнова, Сашу Гая и Диму Кирсанова. Мальчики не смотрят на меня, но уж, конечно, знают, что я их заметила.

— Лёва, — шепчу я, — взгляните: явились представители пятого «В».

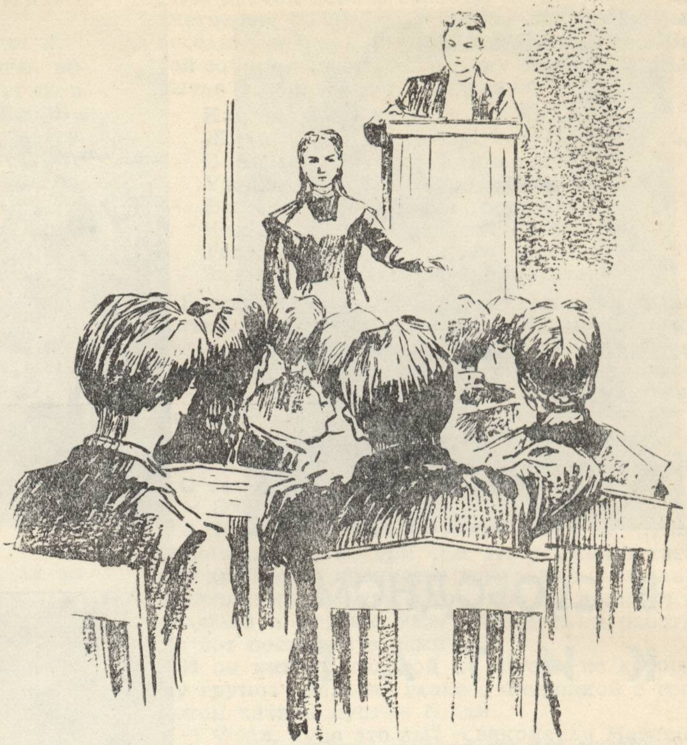
— Они весь день ходили за мной по пятам. Я не разрешил им. Вот ведь какие... — шепчет он в ответ и безнадёжно машет рукой.

Между тем Лаптев уже заканчивает вступительное слово:

— Думаю, что ответить на вопрос диспута мы должны все сообща. Но настаиваю на одном: героический поступок совершается всегда во имя справедливого дела, во имя передовой идеи.

Едва он кончил, как из глубины зала раздался голос девушки:

— Я хочу задать вопрос.

Она подходит к кафедре и порывисто оборачивается...

Это одна из гостей, ученица женской школы. Она подходит к кафедре и порывисто оборачивается к залу.

— Вы представьте, — начинает она взволнованно, — горит дом. Пламя бушует, вот-вот обвалится крыша. Женщина из толпы кричит: «Там остался мой ребёнок!» Я бросаюсь в огонь, карабкаюсь по балкам, обожжённая, возвращаюсь с ребёнком на руках. Как вы считаете, это героический поступок?

В зале короткое раздумье, потом настороженный мальчишеский голос:

— Ну, предположим. Что же ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, а если я только хотела прославиться? Значит, важен результат, важен поступок, а не то, с каким чувством его совершаешь?..

Эти слова мгновенно вызывают взрыв в зале. В первую минуту все говорят разом, но быстро стихают: в конце зала встаёт высокий широкоплечий юноша.

— Нет, твой поступок никто не назовёт героическим, — негодующе говорит он, и на открытом лице его возмущение. — Ведь это означает, что ты способна на подвиг только, когда на тебя смотрят. А если бы тебя никто не видел в эту минуту, ты не стала бы рисковать жизнью. Какая же цена твоему поступку?

Девушка всё ещё стоит на кафедре. А пламя спора перекидывается в другой угол зала.

— Вот, например, Стахович в «Молодой гвардии»,— подхватывает только что высказанную мысль Митя Гай, старший брат нашего Саши.— Ему непременно надо было знать, что слава его прогремит на весь свет, а вот с глазу на глаз с палачом он не устоял. Потому что он был тщеславен, честолюбив и первая его мысль всегда была о себе.

— Людмила Филипповна, дайте мне, пожалуйста, слово!

— Говори, Малеев!

Малеев поднимается на кафедру. В прошлом году он окончил нашу школу. Теперь он студент.

— Я полагаю так,— говорит он,— если человек сознательно идёт на смерть, он герой, ибо жизнь — самое дорогое, что есть у человека. И поэтому я не согласен с Лаптевым, что подлинный героизм свойственен только людям с передовым мировоззрением. Вспомним Савонаролу; он был фанатик, он сжигал картины великих мастеров, он обращал в прах прекрасные статуи. И, чтобы доказать истинность своей идеи, он согласился на испытание огнём. Его не страшили ни костёр, ни виселица, он верил и ради своей веры был готов на всё. Что же, разве он не герой? Бесспорно, герой. Он жертвовал жизнью во имя идеи!

Выступление Малеева вызывает целую бурю.

— Голландский солдат, воюя в Индонезии, тоже рискует своей жизнью. Что же он, по-твоему, герой? — кричит кто-то с места.

— Так значит, ты считаешь, что даже люди, не имеющие никаких принципов, могут совершить героический подвиг? Значит, и бандит, рискующий своей жизнью, по-твоему,— тоже герой? — иронически спрашивает другой.

И тут на кафедру поднимается Лёва.

— Кого из нас способен вдохновить мрачный подвиг Савонаролы? — говорит он.— Никого. А люди, страстно защищающие истину, навсегда остались образцами мужества, стойкости, героизма. Но ведь это и были передовые люди своей эпохи. Они защищали передовые, прогрессивные идеи. Значит, мы снова возвращаемся к той же мысли: всё дело в том, за что борется человек. Героизма «вообще» нет. И только поступок, совершённый ради справедливого дела, мы можем назвать героическим.

— Позвольте мне задать вопрос,— сказала Людмила Филипповна, хотя Лёва ещё не сошёл с кафедры.— Почему вы все говорите о героизме как о чём-то мгновенном и непременно связанном с риском для жизни? Разве этим исчерпывается героизм? Вспомним Чернышевского, его жизнь в ссылке, в одиночестве, его непрерывный труд. Ведь вся его жизнь — это и есть подвиг.

— Дайте мне слово, Людмила Филипповна, я как раз об этом и хочу сказать! — сказал десятиклассник Орлов.— Докладчик ничего не сказал о повседневном героизме, а я хотел привести такой пример: ленинградские рабочие завода «Электросила» в самые трудные дни блокады не прерывали работы. Руки примерзали к металлу, а рабочие перевыполняли норму. Разве это не героизм?

— Конечно, героизм! — взволнованно говорит голубоглазая светловолосая девочка, моя соседка.— Но ведь ты тоже приводишь в пример людей, которые работали в исключительных условиях. А если люди хорошо работают в обычной обстановке,— это не героизм?

— Я не буду разубеждать тех, кому кажется, что героическое непременно блистательно,— опять говорит Людмила Филипповна.— Я просто прочту вам письмо Наташи Ковшовой.

В руках у неё такой памятный по дням войны конверт-треугольник. Она развернула его и начала читать:

«Здравствуй, моя милая Олюшка! Много времени прошло с момента нашей последней встречи. Я тоже пережила суровую зиму, участвовала во многих боях, была ранена в обе руки и обе ноги. Но мне, как всегда, повезло, все ранения незначительные, только первое время пальцы на левой

Пятиклассники слушают, боясь пропустить хоть слово.

руке совсем не действовали. В госпиталь я не пошла, лечилась в роте выздоравливающих. Сейчас совсем здорова, только шрамики болят, особенно в дождливую погоду. Ну, я на это не обращаю внимания... Мы с моей подружкой Машенькой обучили немало молодых снайперов. С каждым днём наши ряды пополняются, счёт растёт... В общем новостей много, всего не напишешь. Ну, а ты как живёшь, старый мой дружище?»

Людмила Филипповна дочитала письмо в полной тишине. Всем казалось, что Наташа сама приняла участие в споре и сказала своё убедительное, веское слово.

И тогда мы вдруг заметили, что Лёва всё ещё стоит па кафедре.

— Да,— говорит он, словно его ни на минуту не прерывали.— Многое начинается с мелочей, с повседневного, будничного. Некоторым, может быть, покажется, будто то, что я сейчас скажу, к делу не относится. Но я всё-таки скажу. Вот на днях у нас в десятом классе произошёл такой случай. Вы помните, в школе испортилось отопление. Людмила Филипповна со специальной комиссией занялась выяснением причины. Оказалось, кто-то из нас повернул кран и испортил батарею. Людмила Филипповна спросила, кто это сделал. Но у того, кто был виноват, нехватило мужества сознаться. Ну, а если жизнь поставит его перед настоящим, большим испытанием, что он тогда будет делать?

Все очень удивлены таким оборотом разговора. Снова — в который раз! — вспыхивает спор, и Людмиле Филипповне становится совсем трудно сдерживать ребят.

Я смотрю на своих мальчиков. Теперь они уже не притворяются: они действительно не замечают моего взгляда. Они захвачены тем, что происходит вокруг, и слушают, боясь пропустить хоть слово.

В заключение говорила Людмила Филипповна. Говорила она сжато, ярко и умно, и мне особенно запомнились её последние слова:

— Можно ли сказать, что на этом диспуте мы разрешили все вопросы, которые поставили перед собой? Конечно, нет. Но мы задумались над ними — вот что важно. Мне хочется сказать вам, что юность — лучшая пора в жизни человека. Михаил Иванович Калинин не раз говорил, что молодость — это прекрасное, неповторимое время, источник всего светлого и хорошего в будущем. Именно в юношеские годы определяется, чем будет силен человек, чем будет полезен обществу. Мне хотелось бы, чтобы после этого диспута каждый из вас спросил себя: а какой я сам, какие качества должен я воспитывать в себе, чтобы прожить жизнь достойно и честно, чтобы быть сильным в любом испытании, которое жизнь поставит на моём пути?

ПОСЛЕ ДИСПУТА

...В конце недели Александра Фёдоровна, преподавательница истории, прислала с дочерью пачку карт древней Греции — работу моих ребят.

— Мама больна,— объяснила мне девушка.— Но карты она вчера проверила. Мама просила передать, что она очень довольна. Она поставила десять пятёрок.

Я поблагодарила и пошла на урок, а в перемену стала раздавать карты ребятам.

— Держи, Толя, свою Грецию. На неё приятно смотреть. У тебя Пелопонес такой жёлтый, как только что вылупившийся цыплёнок. Смотри, какая отметка: пять с плюсом!

Толя до ушей залился краской, тем неудержимым румянцем смущения, придававшим ему сходство с застенчивой девочкой, за который его часто называли Тоней.

— Выручка Ваня,— продолжала я.— Вот твоя карта. Как это тебе так хорошо удалось раскрасить море? Я помню, бывало, у меня карандаш никогда так ровно не ложился, всё получались полосы.

— А это меня Горюнов научил,— отвечал сияющий Ваня.— Знаете как? Надо поскоблить карандаш, получается такая синяя пыльца, а потом взять её на тряпочку и по морю растереть. Выходит всё ровно.

— Очень хорошо. Дальше Игорь, где же он? Тоже одна из лучших карт, Александра Фёдоровна особенно отметила. Дима, о тебе и говорить нечего, превосходная карта. Одним словом, все вы молодцы. Александра Фёдоровна очень довольна. Давайте к её приходу устроим выставку карт. Толя, ты отбери лучшие!

— Нет, не могу,— был неожиданный ответ.

— Почему?!

Молчание. Ребята переглянулись. Я посмотрела на Толю. Вот и сейчас он покраснел чуть не до слёз, но глаза его упрямо и твёрдо выдержали мой взгляд.

— Почему? — повторила я.— Ты чем-нибудь занят?

— Нет. Один из нас получил пятёрку за карту, которую не сам рисовал,— негромко, но отчётливо произнёс Толя.— Мне придётся отобрать и эту карту, а я не хочу.

— Ты уверен, что не напрасно подозреваешь товарища?

— Уверен.

— В таком случае,— сказала я,— мы не станем устраивать выставку.

Ребята зашептались. Ваня стоял растерянный и весь красный. Игорь, наш новичок, тоже сильно покраснел, хмурился и кусал губы. Дима, сдвинув брови, смотрел на Горюнова. Встретив мой вопросительный взгляд, он, кажется, хотел что-то сказать, но тут же опустил глаза. «Но

ведь это не о них речь,— сказала я себе.— Они и сами прекрасно рисуют». Я ещё подождала. Мне казалось, что вот сейчас кто-нибудь из ребят встанет и скажет: «Это сделал я».

Но никто не встал и не сознался.

«...Кто же это мог сделать?» — преследовала меня неотступная мысль.

Вызывая ребят к доске, проверяя их тетради, я снова спрашивала себя: «Не он ли? Не этот ли?»

Я пересмотрела все карты. Пятёрки были у Кирсанова, Горюнова, Гая, Левина, Соловьёва и у других мальчиков, которые очень недурно рисовали. Заподозрить кого-нибудь из них я не могла. Что касается Вани Выручки, то на его рисунки я обратила внимание ещё в начале прошлого года: отчётливые, ясные, строгие. «Вот кто будет одним из первых по черчению»,— подумала я тогда.

Конечно, моим ребятам не раз случалось набедокурить. Но до сих пор всегда бывало так, что стоило спросить: «Кто это сделал?» — и виновный вставал и говорил: «Это я» — и прибавлял, в зависимости от своего характера: «Я нечаянно, Марина Николаевна. Простите!», «Я не хотел и не думал, что так получится», «А я не знал, что этого нельзя» — или ещё что-нибудь в этом роде. Однажды, обнаружив в диктанте Лукарёва и Глазкова одинаковые ошибки, я спросила напрямик:

— Кто к кому заглядывал?

— Я...— после короткого молчания с тяжким вздохом ответил Федя.— Я сперва написал «тростник», а потом вижу у Киры «тросник», взял и переправил...

Они всегда честно признавались в своих грехах. А тут...

— Толя,— спросила я, встретившись с Горюновым в библиотеке,— я всё думаю, кто же у нас выдаёт чужую работу за свою?

— Я не могу сказать,— ответил он, краснея и глядя мне прямо в глаза.

— Конечно. Но ты должен поговорить с тем, кто это делает.

— Говорил я ему. И Саша говорил и Дима. А он отвечает: «Не ваше дело».

Мы стояли рядом, углубившись каждый в свою книжку. Мне показалось, что Толя уже забыл о нашем разговоре, но он вдруг сказал:

— Я про это давно знаю. Мне противно было, но я молчал. Даже ему ничего не говорил. А после диспута, знаете, Марина Николаевна, я подумал: «Нельзя молчать. Раз я вижу, что человек делает нечестно, какое у меня право молчать?».

— Правильно сделал,— сказала я.— Мириться с подлостью нельзя.

ЭТО ТЫ!

— Напишите: «Длинный обоз медленно двигался по пыльной дороге, возы скрипели и покачивались». Разберите по членам предложения.

Игорь Соловьёв беспомощно глядит на доску: запутался.

— Нарисуем схему,— предлагаю я.

Соловьёв стал медленно водить мелом по доске. Какие неровные, неуверенные линии... прямоугольник совсем кривобокий. Может быть, это потому, что он волнуется?

— Сотри и перерисуй. Небрежно получилось.

Опять те же кривые, неряшливые линии.

— Возьми линейку,— сказала я.

Но и линейка мало помогла: схема была начерчена плохо.

— Садись. Валя Лавров, к доске.

...А перед самым звонком я сказала:

— Соловьёв, останься, пожалуйста, после уроков.

Все внимательно смотрят на меня: «Зачем? Что случилось?». Горюнов и Гай смотрят особенно напряжённо, Ваня — с тревогой, Соловьёв — недоумевающе.

Как только мы остаёмся одни, я, не боясь ошибиться, говорю Соловьёву:

— Неужели тебе приятно, когда тебя хвалят за работу, которую сделал другой?

— Это вам Горюнов сказал? — быстро спрашивает он вместо ответа.

— Нет, я сама поняла. Ты рисуешь неважно, а твоя карта нарисована прекрасно.

Он мнётся, теребит галстук:

— Мне Выручка сам предложил. Говорит: «Давай я тебе нарисую». А мне некогда было. Вот он и нарисовал.

— Это было только один раз?

Опять долгое молчание. Игорь колеблется:

— Н... нет, не один.

— Часто?

— Всегда, когда надо рисовать. Опыты по ботанике. Контурные карты Алексею Ивановичу. И вот эту... древнюю Грецию...

Я внимательно смотрю на него. Он низко опускает голову.

— Не стану объяснять тебе, как это скверно. Ты и сам прекрасно понимаешь. Неужели тебе не стыдно было перед товарищами, когда тебя хвалили за чужую работу?

— Никто не знал. Только Горюнов и Гай. И Кирсанов, наверно, догадался.

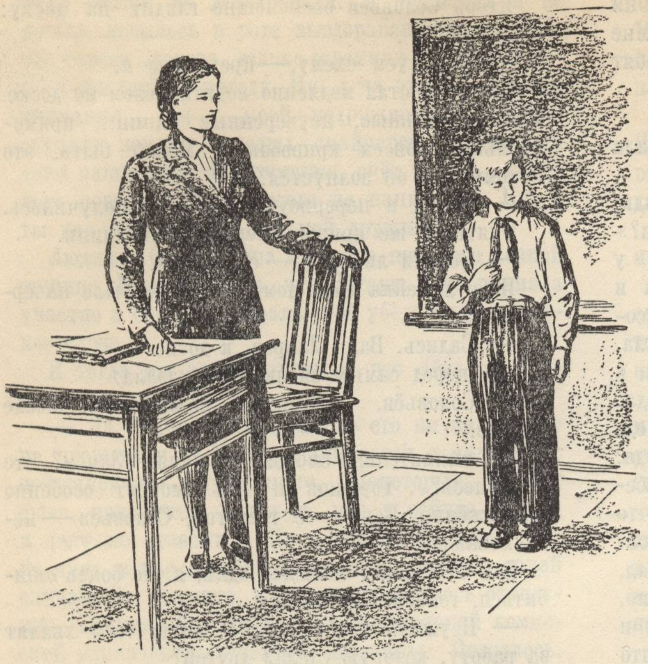
— А Горюнов откуда знал?

— Он научил Выручку писать нормальным шрифтом и ещё научил раскрашивать карты так, чтобы получался ровный цвет. Выручка и себе и мне так делал. Горюнов увидел и говорит: «Это ты не сам рисовал». А какое ему дело?

— Почему же ты тогда не сказал? Помнишь, когда Селиванов разбил аквариум, он сам пришёл и повинился. А ты что же, боялся наказания?

Снова долгое молчание.

— Совестно было,— говорит наконец Игорь.

— Неужели тебе приятно, когда тебя хвалят за работу, которую сделал другой?

На следующий день первых двух уроков у меня по расписанию не было. После звонка на большую перемену я вошла в свой класс и... остановилась на пороге. У ребят чуть ли не драка: все кричат, машут руками. Первое, что мне бросается в глаза,— встрёпанный и красный Борис, побледневшее, злое лицо Соловьёва и полное решимости лицо Толи.

— Что у вас тут происходит? — спрашиваю я.— Что случилось?

— Соловьёв назвал Горюнова ябедой,— отвечает Саша Гай.

— А за что? — обратилась я к Игорю.

— А зачем он нафискалил вам про карту?

Чувствуя, что бледнею, я спрашиваю Игоря:

— Ты что же, мне не веришь?!

— Верю,— отвечает он не сразу и не глядя на меня.

— Так я же тебе сказала, что всё поняла без толиной помощи.

— Если бы я сказал Марине Николаевне, я был бы фискалом. Но я ничего никому не говорил. Только Гаю. Даже Кирсанову не говорил, он сам догадался,— негромко произнёс Толя.

— Если хочешь знать, я бы на твоём месте именно сказал,— вставляет Савенков.— Не потихоньку, понятно, а именно в классе, при всех. Громко. Обязательно бы сказал!

— Да почему это «ябеда»! — кричит Левин.— Ябеда — это если из-за угла наговаривает.

— Я так Толе и говорил, — поддерживает Саша.— По-моему, тоже сперва надо было с Соловьёвым поговорить, но уж раз он не понимает, тогда сказать при всём классе, вот и всё.

— Нехорошо вышло,— задумчиво говорит Лёша.— Его Татьяна Михайловна так хвалила. Говорит, у тебя очень хорошая тетрадь, все опыты прекрасно зарисованы. Вот тебе и прекрасно!

— А помните, что Лёва на диспуте говорил? — вмешивается Саша Воробейко. — Он сказал: всё начинается с маленького. Чтобы быть смелым и честным, нечего ждать какого-то особенного случая. Если в таком пустяке побоялся сознаться, то в большом деле и вовсе струсишь.

И вдруг в разговор вступает Ваня Выручка, он до сих пор не проронил ни слова, я даже не сразу увидела его позади остальных.

— Игорь не виноват,— говорит он громко.— Это я сам ему рисовал, он не просил.

— Брось ты,— резко обрывает Николай.— Тоже хорош: ходишь за ним, как маленький.

— Он мой товарищ! — вспыхивает Ваня.

— Ну и что же, что товарищ? Вот Горюнов с Гаем и Левиным — товарищи. И я с Гаем дружу. А разве он за меня задачки решает? Разве Кирсанов рисует за Воробейко карты? Да и какие вы товарищи, просто он тебя гоняет, как маленького: сделай да принеси, а ты и слушаешься.

Ваня опускает голову. Во внезапно наступившей тишине раздаётся спокойный голос Димы:

— Соловьёв всё смеялся над Валей Лавровым, дразнил его. А вот когда я один раз помог Вале оформить задание по ботанике, так Валя сказал Татьяне Михайловне: это не я сам, мне Кирсанов помогал. Хотя его никто не спрашивал. И я там очень мало сделал.

Все взгляды снова обращаются на Игоря. Он медленно поднимает голову и говорит негромко, но твёрдо:

— Я все карты перерисую сам.

* * *

ЧЕРЕЗ ГОД

Разговор в трамвае

Однажды я ехал в трамвае. Рядом со мной на площадке стояли два школьника. Они разглядывали какой-то журнал и довольно громко разговаривали.

— «Посадили виноград!» — усмехнулся один.— Мало ли что можно посадить! Вот если бы написали, что они посадили и вырастили виноград, хоть одну кисточку,— тогда другое дело.

— Конечно! Я тебе, что угодно, посажу,— подтвердил другой,— хоть кокосовую пальму. Она лето поживёт, а зимой погибнет.

Я не знаю фамилии этих мальчиков. Из их разговора я понял только, что одного зовут Колей, а другого Валериком. Слушая разговор юных скептиков, я подумал:

«Эти ребята, наверно, не привыкли сами настойчиво добиваться задуманного и очень плохо понимают, какая огромная сила — настойчивость, трудолюбие, вера в успех своего дела».

И мне вспомнились другие ребята — ученики Новосидоровской школы, Шатурского района. В начале прошлого лета я видел, как они на пришкольном участке сажали первые крошечные виноградные кустики и мечтали о настоящих виноградниках в колхозах своего района.

Подслушанный разговор натолкнул меня на мысль поехать посмотреть, сбылась ли мечта новосидоровских ребят. И в сентябре этого года я снова побывал у них.

На пришкольном участке я застал десятка два юннатов, вооружённых лопатами и тяпками. Среди них были старые мои знакомые: Глеб Кирсанов, Аня Короткова, Валя Кузнецова. Поздоровавшись с ними, я прежде всего спросил:

— Как поживает виноград?

— Виноград? Идёмте! Сами посмотрите, как он поживает.

Все трое повели меня туда, где я фотографировал когда-то крошечный кустик. Там, оплетая деревянные подпорки, поднималась из земли большая, выше человеческого роста, лоза. Я насчитал

На этой фотографии вы видите, с каким интересом рассматривают новосидоровские юннаты первые росточки винограда: ведь никто до них не разводил виноград в Шатурском районе. Этот снимок был сделан в прошлом году.

на ней два десятка гроздей с сочными темнокрасными, а местами уже совсем чёрными ягодами.

— Значит, не так уж трудно вырастить в Московской области виноград?

— Нетрудно! — возмутился Глеб Крылов.— А знаете, сколько мы работали над ним! И куриным помётом удобряли, и окапывали, и на зиму прикапывали, чтобы защитить от морозов, и следили за тем, чтобы какая болезнь не завелась. Хорошо «нетрудно».

— Что ж, довольны вы своими достижениями? — спросил я ребят.

— Довольны-то довольны! Только вырастить виноград — это нам теперь кажется слишком мало,— ответила Валя.— Мы хотим, чтобы не только виноград, но и другие южные растения переселились под Москву. Вот посмотрите сюда: это у нас растут груши. А здесь — персики и абрикосы, а вот тут — сливы. А вот это — тутовое дерево. Если оно у нас вырастет, мы будем разводить шелковичных червей и получим новый шёлк, который будет называться шатурским. А вот наш цветник.

Вдоль всего фасада здания тянулся прекрасный цветник, которого в прошлом году не было. Здесь росли сотни астр, георгинов, цинний, маков самых различных цветов и оттенков.

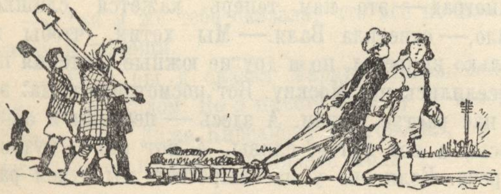
А здесь вы видите, как разросся этот кустик и какие крупные ягоды выросли на нём в этом году.

Тут я вспомнил мальчиков в трамвае и спросил:

— Хорошо. А ведь могло получиться, что виноград всё-таки не вырос бы и все ваши труды пропали бы даром. Что бы вы сделали тогда?

— Что бы сделали? — переспросила Аня Короткова.— Выписали бы ещё чубуков и снова посадили.

Такой ответ очень характерен для новосидоровцев. Ученики этой небольшой деревенской школы умеют трудиться и настойчиво добиваться своего.

Искусственная весна

Этой зимой снег в Шатурском районе выпал только в январе. Посевы озимых стояли голые, не защищённые от морозов снежным одеялом. Колхозники тревожились: выживут ли озимые?

На одном из занятий юннатского кружка директор школы Марк Демьянович Тростянский сказал:

— Мне только что звонили из Шатурского сельхозотдела. Знаете, какую ответственную задачу нам поручают? Нас просят узнать: взойдут ли озимые на территории нашего сельсовета?

Несколько секунд юннаты молчали от изумления, потом Аня Короткова спросила:

— Как же это сделать, ведь только весной можно узнать.

— Значит, мы должны сделать искусственную весну.

— Да как же мы её сделаем?

— Конечно, для поля в несколько гектаров весны не сделаешь. Нужно взять очень небольшой кусочек поля, перенести его сюда и здесь, в лабораторных условиях, устроить для него весну.

После уроков, взяв с собой салазки, топоры и ломы, ребята отправились на покрытое снегом колхозное поле. Там они в разных местах разгребли снег, вырубили куски смёрзшейся почвы и принесли в школу. Чтобы искусственная весна больше походила на настоящую, ребята сначала поместили «поле» в сени, где было не намного теплее, чем на улице. Через сутки ребята перетащили его в более тёплое помещение, а затем перенесли в биологический кабинет, где было совсем тепло.

Земля постепенно оттаяла, и через несколько суток весело зазеленели ожившие всходы.

Теперь ребята могли с уверенностью сказать колхозникам: озимые не погибли.

Стоянка древнего человека

Плохо, если люди увлекаются каким-нибудь одним делом и кроме этого дела ничем больше не хотят заниматься.

Новосидоровские школьники любят не только биологию. Их интересуют и физика, и история, и математика. Но, чем бы новосидоровцы ни увлекались, они всегда и во всех делах проявляют горячую страсть к исследованиям, настойчивость и очень серьёзное отношение к работе.

Этим летом старшеклассники во главе с Марком Демьяновичем собрались в туристский поход. Об этом узнали в отделе народного образования. Заведующий отделом пригласил директора к себе:

— Ваши ребята — народ дельный. Не могли

бы они во время похода выполнить одно научное задание?

— А именно?

— Сейчас советские археологи ведут перепись всех исторических памятников, имеющихся в Советском Союзе. Лет тридцать назад в Шатурском районе была обнаружена стоянка древнего человека. Даже велись раскопки в районе озера Святого. Но где точно, никто не помнит. Вот московские археологи и просят нас уточнить: где именно находилась эта стоянка.

Когда Марк Демьянович рассказал об этом задании ребятам, из школьной библиотеки были расхватаны все книги, в которых упоминалось о каменном веке, были заново перечитаны все разделы учебника истории, где говорилось о первобытном общинном строе.

В середине июля наши туристы пришли в деревню Андреевские выселки, расположенную недалеко от озера Святого. Помимо рюкзаков с продовольствием, папок для гербариев, ящиков для коллекции насекомых, наши путешественники захватили с собой ещё и лопаты.

Из деревни в деревню ходили ребята, стучали в дома, останавливали прохожих, приставая ко всем с расспросами, особенно надоедали старикам:

— Бабушка, вы тут давно живёте?

— Давно, сынок, тут и родилась.

— А про стоянку древнего человека ничего не слыхали?

— Про кого?

Усталые, запылённые, покусанные комарами, возвращались «археологи» — никто ничего не слышал о раскопках у озера.

— Ошибка, видно, это. Если бы здесь когда-либо нашли стоянку древнего человека, так кто-нибудь уж помнил бы об этом.

— Неправильно вы рассуждаете, ребята,— возражал Марк Демьянович.— Это теперешние колхозники интересуются научными открытиями, а тридцать лет тому назад многие из них и грамоты не знали. Какое им было дело до раскопок?

Наутро ребята отправились к озеру, чтобы там продолжать поиски. По дороге путешественники догнали старичка, который неторопливо шагал в одном с ними направлении. Аня Короткова на ходу задала ему обычный вопрос:

— Дедушка, вы тут про стоянку исторического человека ничего не слыхали?

— Это, которую в 22-м году раскапывали?— живо отозвался старичок.

— Дедушка, неужели знаете?!

— Ещё бы не знать, коли я первый её нашёл.

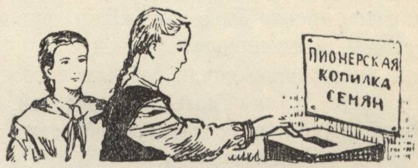
Через две минуты, сидя на траве, окружённый со всех сторон ребятами, старичок уже рассказывал:

— Я тогда землекопом работал на строительстве. Однажды в воскресенье переплывал я в лодочке озеро, а была в том году жара такая, что вода в озере чуть ли не вся высохла. Плыву я и вижу: на самой середине озера образовался островок. Я пристал к нему, гляжу, лежит на нём что-то. Вышел из лодки, присмотрелся: человеческие черепа и какие-то кости. Собрал я всё это — и к своему начальнику, на строительство. А вскоре прямо ко мне на квартиру приехали учёные из Москвы и попросили меня отвезти их на тот самый островок. Отвёз я их. Они там копали три дня, нашли ещё кости, угли (видно, костёр когда-то был), каменное шило, каменный топор, кремнёвые наконечники для копий. Всё это увезли в Москву.

— А островок? Где же тот самый островок?

— А островок-то, когда кончилась жара, снова затопило. С тех пор его так и не видели.

Рассказ дедушки Павла Петровича Новикова ребята подробно записали. Задание было выполнено. Однако им этого показалось мало. Они отправились на озеро и на поросшем лесом берегу стали сами производить раскопки. И они нашли то, что подтвердило рассказ Павла Петровича: хорошо сохранившийся кремнёвый наконечник копья и черепки древней глиняной посуды, украшенной своеобразным орнаментом.

Вместе со всей страной

Однажды милиционер, дежуривший на центральной улице города Шатуры, был возмущён дерзким нарушением общественного порядка. К одному из больших красивых ясеней, росших вдоль тротуара, подошли мальчик и девочка лет по тринадцати. У обоих за плечами были довольно объёмистые мешки. Мальчик оставил свой мешок на тротуаре и, нисколько не стесняясь милиционера, полез на дерево. Милиционер засвистел, бросился к нему:

— Ты что это делаешь?

Мальчик спустился с дерева и подал милиционеру бумажку: «Удостоверение. Дано юннатам Новосидоровской неполной средней школы Николаю Кирсанову и Зое Зуевой в том, что им поручается собрать в городе Шатуре семена ясеня для лесозащитных полос Сталинградской области».

Милиционер сразу подобрел:

— Школьники? Из Новосидорова? Слышал! А я было думал, для баловства. Ну, что ж, полезай обратно! Дай-ка, подсоблю.

Пока Зоя и Коля собирали семена ясеня в Шатуре, их товарищи бродили в окрестных лесах,

Директор Новосидоровской школы Марк Демьянович показывает ребятам, как нужно делать прививки на молодых деревьях.

занимаясь сбором еловых и сосновых шишек. Скоро в Сталинград была отправлена большая посылка. А ещё через некоторое время из Сталинграда пришло письмо. В нём начальник сектора агролесомелиорации Сталинградского областного управления сельского хозяйства благодарил ребят за посылку и сообщал, что семена переданы для посева одному из лучших колхозов.

Подписано письмо было так: «Ваш друг по лесным делам А. Колесников».

Сорок килограммов семян собрали новосидоровцы и послали их, помимо Сталинградской, ещё и в Астраханскую и в Ростовскую области.

По призыву новосидоровцев, опубликованному в местной газете, многие школы района тоже стали собирать семена.

Пройдут года, и на юго-востоке нашей страны огромные лесные полосы, созданные по великому сталинскому плану преобразования природы, навсегда избавят от засухи колхозные поля, и тысячи деревьев в этих лесных полосах будут выращены из семян, собранных руками шатурских ребят.

С каждым годом у новосидоровцев растёт число друзей. И с каждым годом становится шире и интереснее их деятельность. Десятки самых разнообразных писем получают ежемесячно новосидоровцы.

«Мы хотим закрепить пески и вырастить сосновую рощу, но у нас мало семян. Мы обращаемся к вам с просьбой помочь нам»,— пишут ученики начальной школы станции Валуйки, Сталинградской области.

Новосидоровцы получили письма с просьбой о высылке самых различных семян от школьников Псковской области, из далёкого Красноярского края и из многих других областей Советского Союза. Ни одна такая просьба не остаётся без ответа. И на дверях биологического кабинета в Новосидоровской школе висит деревянный ящик. На нём написано: «Пионерская копилка семян». Каждый день, приходя в школу, ребята опускают в него десятки бумажных пакетиков. В этих пакетиках семена недавно съеденных яблок, слив, абрикосов или семена, собранные с лесных деревьев. Всё это регулярно вынимается из ящика, сортируется и отсылается по первому требованию друзьям в самые различные уголки страны.

Профессор Тимирязевской академии В. А. Харченко прислал для опытов семена озимой пшеницы. Ребята с Центральной станции юных натуралистов прислали друзьям-новосидоровцам сортовую клубнику. Колхозники из колхоза «Пролетар», Киевской области, прислали саженцы фруктовых деревьев — абрикосов, слив,— семена медоносной акации. Лауреат Сталинской премии академик Якушин обратился к ребятам с просьбой испытать в условиях Шатурского района разработанный им новый способ посадки картофеля. И ребята успешно ведут эту работу.

Два года назад новосидоровцы добились того, что их пришкольный участок и сад стали лучшими в Шатурском районе. Но они не удовлетворились этим. Они решили позаботиться о том, чтобы во всём Шатурском районе поскорее зацвели такие же сады. Для этого новосидоровцы устроили у себя питомник и снабдили посадочным материалом все школы своего района.

А недавно к ним пришло письмо, на конверте которого обратный адрес был написан в непривычном для нас порядке:

«Невянка Бозаджиева
Училище «Васил Левеки»
Город Разград
Болгария».

В этом письме Невянка Бозаджиева, член болгарской детской организации «Септемврийче», предлагала новосидоровским пионерам завязать знакомство и дружбу.

О чём говорят все эти письма, растения и семена, присланные в Новосидорово учёными, колхозниками и школьниками?

О том, что все эти люди видят в новосидоровских ребятах товарищей по большому общему делу, товарищей, на которых можно опереться в серьёзной работе, которых можно всегда позвать на новые, нужные дела.

С. Юрьев

★

СУВОРОВЦЫ У ПАМЯТНИКА СУВОРОВУ. Д. Баркалов.

Пятый океан

Б. Ляпунов

ВВЕРХ И ВНИЗ

Сейчас мы с вами совершим два необыкновенных путешествия.

Сначала мы отправимся в морские глубины. Опускаться мы будем в батисфере. Это шар с толстыми стальными стенками и маленькими окошечками с такими же толстыми стёклами. Те, кто видел научно-фантастическую пьесу «Тайна вечной ночи», знают, как выглядит такая батисфера. А для тех, кто не видел пьесу, мы её здесь нарисовали.

Мы находимся в маленьком, тесном помещении батисферы. Начинается спуск. Золотисто-жёлтый свет солнца сменяется зелёным. Опускаемся глубже — и незаметно густеют краски. Вот уже нас окружает тёмносиняя вода. Ещё глубже вода становится черновато-синей. Глаз перестаёт различать цвета. Нас окружает царство вечной ночи. Включаем прожектор — и в полосе света мелькают диковинные, глубоководные рыбы, которые никогда не видят солнечного света. Среди мрака вспыхивают жёлтые и голубые огоньки. Это обитатели больших глубин проплывают мимо нашей батисферы.

Вода становится всё холоднее и холоднее. Мы встречаем под водой мощные течения — настоящие подводные реки. Но если мы будем спускаться ещё глубже, туда, куда ещё до сих пор не проник человек, то мы заметим, что температура воды перестанет понижаться. И мы не встретим здесь уже подводных течений. Здесь, куда не проникают свет и тепло солнечных лучей, темно и спокойно.

А теперь совершим другое путешествие, отправимся вверх — в заоблачные дали. Мы будем подниматься на стратостате — воздушном шаре, приспособленном для подъёма на большие высоты.

Через маленькие окошечки гондолы стратостата мы видим, как темнеет небо. Всё выше и выше поднимаемся мы — и уже не голубое небо а тёмносинее, фиолетовое, почти чёрное... Воздух становится всё холоднее и холоднее. По пути мы встречаем мощные воздушные течения.

Когда мы поднимемся выше одиннадцати километров, мы заметим, что температура воздуха перестала понижаться, остановившись на — 55°. Мы не встречаем больше ни воздушных течений, ни облаков.

Во время наших путешествий мы увидели, что гидросфера — водяная оболочка земли — и атмосфера — её воздушная оболочка — имеют много общего, хотя вода и воздух и непохожи друг на друга.

ПЯТЫЙ ОКЕАН

Есть четыре океана на Земле: Тихий, Атлантический, Индийский и Северный Ледовитый. И есть ещё один океан, пятый. Он всюду над нами. Это атмосфера, воздушный океан, на дне которого мы живём.

С детства мы привыкли к тому, что нас окружает воздух. Мы дышим воздухом, не задумываясь над тем, что было бы без него.

А вот на Луне нет атмосферы. Вот как описал Константин Эдуардович Циолковский лунный мир, где нет воздуха, в своей фантастической повести «На Луне». «...Небо было чернее самых чёрных чернил... Солнце казалось ещё ослепительнее: оно было синее... Звёзды и планеты не мерцали и были похожи на вбитые в чёрный свод гвозди с серебряными головками... Тишина. Безоблачное небо. Не видно ни растений, ни животных. Пустыня с чёрным небесным сводом и с синим солнцем. Ни озера, ни реки, ни капли воды. Даже горизонт не белеется. Он так же чёрен, как остальное небо, не застилаемое дымкой облаков. Нет ветра, который так приятно шелестит на Земле травой и качает вершинами деревьев. Не слышно стрекотанья кузнечиков. Незаметно ни птиц, ни пёстрых бабочек. Одни голые горы и горы, страшные высокие горы. Но вершины их не блестят от снега. Нигде ни снежинки... Мрачная картина!

На отдалённых горах не видно лёгкой вуали — прозрачной синеватой дымки, которую воздух накидывает на земные горы и отдалённые предметы... А тени! Какие густые тени! Какие резкие переходы от мрака к свету! Нет тех мягких оттенков, к которым мы так привыкли и которые может дать только воздух. Даже Сахара показалась бы раем в сравнении с тем, что мы видим тут. Мы жалели о её скорпионах, о саранче, о вздымаемом сухим ветром раскалённом песке, не говоря уже о редко встречаемой скудной растительности и финиковых рощах...»

И то же самое было бы на Земле, если бы она была лишена атмосферы.

Атмосфера, воздушный океан — это жизнь. Воздух нужен людям, животным, растениям.

Атмосфера — это одежда нашей планеты. Она сохраняет тепло Земли, не даёт ему рассеяться в мировое пространство.

Атмосфера — это мир звуков, мягких красок, полутеней. Без неё на Земле были бы только ослепительный свет, чёрные тени и мёртвая тишина.

Атмосфера — это погода. Это облака, дождь, снег, град — всё разнообразие воздушной стихии.

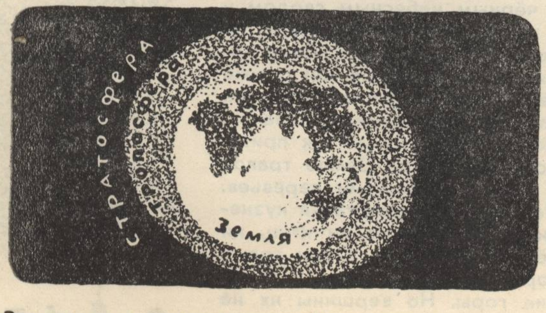
Атмосфера — это невидимая броня планеты. Она предохраняет нашу Землю от небесных странников — метеоров, от губительных палящих лучей Солнца и космических излучений, несущихся к Земле из мирового пространства.

Вот почему жизнь была бы невозможной без атмосферы.

ЧТО ТАКОЕ ВОЗДУХ?

Люди давно уже интересовались, из чего состоит воздух, с какой силой он давит на Землю, какова глубина воздушного океана.

Постепенно люди узнали, что воздух состоит из азота, кислорода, водорода и примесей редких газов. Узнали, что воздух имеет вес и потому давит с огромной силой на Землю. На каждый квадратный сантиметр воздух давит с силой в один килограмм. И потому на тело человека воздух давит с силой около 16 тысяч килограммов! Почему же человек не погибает под такой чудовищной тяжестью? Потому что и внутри нашего тела и внутри растений и животных тоже есть воздух. Этот «внутренний» воздух не даёт «внешнему» раздавить нас.

Эта схема помогает представить строение атмосферы.

Вот как выглядит Луна: безводная пустыня под чёрным небесным сводом.

Вспомним наше путешествие в морские глубины. Мы видели из окон нашей батисферы диковинных, глубоководных рыб. Несмотря на огромное давление воды, от которого мы защитились толстыми стенками батисферы, рыбы чувствуют себя превосходно. Давление внутри их тела и снаружи одинаково. Но если вытащить такую рыбу из воды, то давление внутри её тела станет намного больше давления окружающего воздуха — и рыбу разорвёт.

Чем выше мы будем подниматься, тем меньше воздуха останется над нами, тем меньше будет и его давление.

Как высоко простирается атмосфера? Конечно, нельзя точно определить, где она кончается и начинается безвоздушное пространство. Плотность воздуха уменьшается постепенно. Воздух есть даже на высоте до двух тысяч километров. Но его там очень мало.

Мы уже говорили о том, что на Луне нет атмосферы. Луна меньше Земли. Притяжение на Луне в шесть раз слабее, чем на Земле. Поэтому она не может удержать свою атмосферу.

Земля же своим притяжением крепко удерживает воздух. Поэтому Земле и не угрожает судьба мёртвой Луны, которая смогла удержать около своей поверхности лишь едва заметные следы воздуха. Недавно советские астрономы обнаружили на Луне воздух, но он в 10 тысяч раз разреженнее того, которым мы дышим.

КАК УСТРОЕНА АТМОСФЕРА

Когда мы совершали наше воздушное путешествие, то заметили, что чем выше, тем холоднее. Чем это объяснить и будет ли так продолжаться всё время, пока мы будем подниматься до границ атмосферы?

Оказывается, атмосфера обладает чудесным свойством. Потоки солнечных лучей несутся к Земле. Воздух свободно пропускает их, а сам при этом почти не нагревается. Солнечные лучи нагревают Землю. Земля же, нагреваясь, сама отдаёт тепло. Вот это-то тепло и нагревает воздух. Но чем дальше от Земли, тем меньше тепла. Поэтому, чем выше, тем воздух делается холоднее. Но так будет не всё время. На высоте 11 километров в наших краях и на высоте 18 километров над экватором температура воздуха перестает падать. Тепло от Земли сюда уже не доходит.

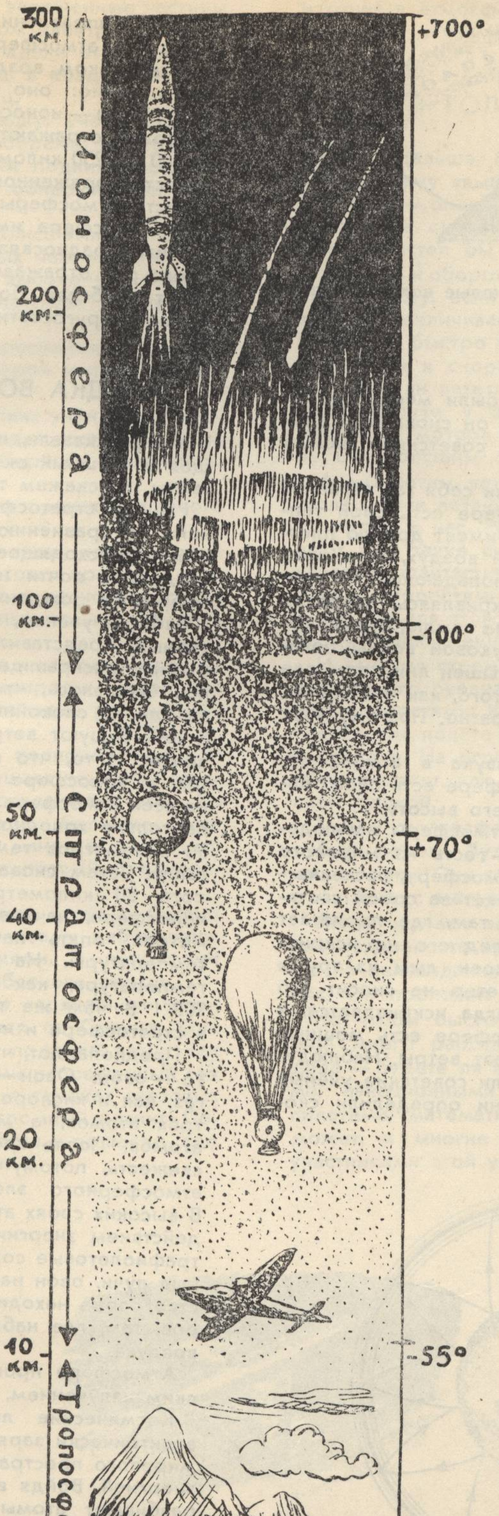
Поэтому там царствует мороз в—55°. Раньше думали, что это — царство вечного холода. Его назвали стратосферой. Считали, что в стратосфере всюду температура не меняется, воздух в ней неподвижен и располагается слоями. Внизу — тяжёлый азот, выше — менее тяжёлый кислород, ещё выше — водород и т. д. Отсюда произошло и название стратосферы — от слова «стратум», что означает «слой». А ту часть воздушного океана, где температура меняется, называют тропосферой.

В тропосфере уже давно летают самолёты и воздушные шары. Поэтому тропосфера хорошо изучена человеком. Теперь человек стал проникать и в стратосферу. Но ещё раньше в стратосфере побывали приборы — маленькие исследователи больших высот.

РАЗВЕДЧИКИ БОЛЬШИХ ВЫСОТ

Посмотрите на рисунок. На нём показано, как высоко поднимались разведчики воздушного океана на самолёте, воздушном шаре и стратостате. Каждый день, набирая кругами высоту, уходят в голубое небо самолёты — разведчики погоды. На этих самолётах установлены приборы, которые отмечают, какая температура воздуха, какой ветер дует и ещё многое другое. Всё это нужно знать, чтобы уметь предсказывать погоду.

Приборы поднимаются не только на самолётах. Их поднимают воздушные шары. Недавно воздушный шар — аэростат «СССР-ВР-79» — установил мировой рекорд высоты подъёма — 12 100 метров. Ещё выше поднимались люди на воздушных шарах, специально приспособленных для полётов в стратосферу,— стратостатах. Советские герои-стратонавты поднялись на высоту в 22 километра. А маленькие воздушные шары без людей, с одними только автоматическими приборами, поднимались вдвое выше — до 43 километров.

В Советском Союзе был изобретён, построен и поднялся в воздух первый в мире радиозонд. Радиозонд — маленькая лаборатория для изучения атмосферы, поднимающаяся на воздушном шаре. Приборы её измеряют давление, температуру и влажность воздуха, а маленький радиопередатчик передаёт показания этих приборов на землю. Советские инженеры и изобретатели построили сейчас новый автоматический радиозонд, весящий всего 750 граммов, и передатчик для радиозондов весом в 22 грамма!

Но радиозонд — это маленький воздушный шар. И как самолёт имеет свой «потолок», выше которого он не может подняться, так имеет свой «потолок» и воздушный шар — радиозонд.

На больших высотах воздух становится слишком разреженным. Давление газа внутри шара становится больше наружного давления и разрывает оболочку.

Для изучения больших высот теперь приходит на помощь другой разведчик — ракета.

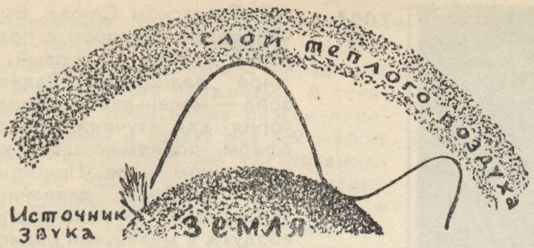
Русский учёный Константин Эдуардович Циолковский первым в мире предложил ракету для исследования атмосферы.

Ракета — исследователь атмосферы — показана на рисунке. Ракета управляется автоматическими приборами или по радио и может подниматься на 200 и выше километров.

СВЕТ, ЗВУК И РАДИО В ВОЗДУШНОМ ОКЕАНЕ

Кроме самолётов, стратостатов, шаров-зондов и ракет, у нас есть и другое могучее оружие изучения атмосферы. Учёные не только посылают в атмосферу приборы, но и наблюдают с земли за различными явлениями, которые происходят там.

В 1920 году в Москве произошёл взрыв артиллерийских складов. Этот взрыв был слышен на сотни километров вокруг. Но самое удивительное — срав-

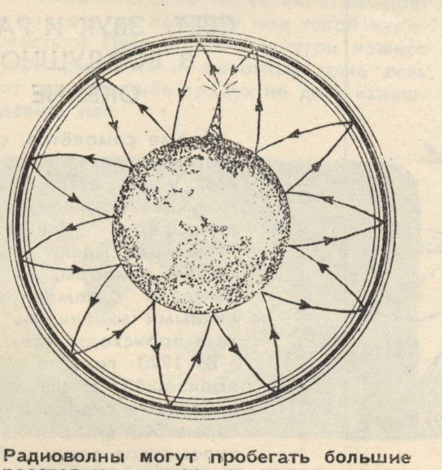
Вот как распространяются звуковые волны в атмосфере.

нительно близко от Москвы были места, где не слыхали взрыва, хотя дальше он снова был слышен. Этим заинтересовался советский учёный профессор Виткевич.

Почему звуковые волны вели себя так странно? Очевидно, где-то в стратосфере есть слой тёплого воздуха. Тёплый воздух имеет другую плотность. Попадая в этот тёплый воздух, звук преломляется, так же как свет, попадающий из воздуха в воду. Постепенно искривляясь, звуковая волна возвращается обратно на землю, отражаясь от тёплого воздуха. Путь звуковой волны показан здесь на рисунке. Звук слышен лишь там, где волна касается земли, после того, как она совершит путешествие вверх и обратно. Поэтому звук слышен не везде.

Изучая распространение звука в атмосфере, учёные узнали, что в стратосфере есть слой тёплого воздуха, и определили его высоту.

Много даёт для изучения атмосферы наблюдение за метеорами. Метеор — гость из мирового пространства. Он влетает в атмосферу, раскаляется и во время полёта оставляет за собой светящийся след. Если бы воздух там, где пролетает метеор, был неподвижен, след его не искривлялся бы. Когда воздух спокоен, дым из трубы поднимается прямо вверх, ветер не сносит его в сторону. След метеора всегда искривляется, и это показывает, что в стратосфере есть мощные воздушные течения — там дуют ветры. Наблюдения за полётом метеоров вели советские учёные Федынский и Астапович. Они определили скорости и направления воздушных течений в верхних слоях атмосферы.

Радиоволны могут пробегать большие расстояния и даже совершать кругосветные путешествия.

Разведчиком воздушного океана является также и радио: оно открыло нам новую область атмосферы — ионосферу. Было замечено, что радиоволны отражаются от находящихся на высотах от 100 до 250 километров слоёв ионизированного, то есть заряженного электрически воздуха. Эту область атмосферы и назвали поэтому ионосферой. Ионосфера имеет важнейшее значение для развития радиосвязи. На рисунке показано, как, много раз отражаясь от ионосферы, радиоволны могут пробегать большие расстояния и даже совершать кругосветные путешествия.

ЗАГАДКА ВОЗДУШНОГО ОКЕАНА

Мы рассказали, чем вооружена наука, изучающая воздушный океан, и как она раскрывает его тайны. Расскажем теперь об успехах этой науки.

Раньше стратосферу считали «мёртвой пустыней» по сравнению с тропосферой. Думали, что всё, происходящее в заоблачных высях, где и воздуха-то почти нет, не влияет на жизнь атмосферы, на рождение погоды.

Работы учёных, главным образом советских учёных, представителей самой передовой науки в мире, раскрыли нам многие загадки стратосферы. Оказалось, что стратосфера — это не тихая заводь, не спокойный залив в воздушном океане. В ней бушуют ветры, как и везде в атмосфере земли. И то, что происходит на больших высотах, в ионосфере и стратосфере, отражается и на всей атмосфере. Оказалось, что в стратосфере не только холодно, но и жарко. На высоте 35—50 километров температура доходит до 60—70° тепла. Затем снова становится холодно, и на высоте 80 километров — стоградусный мороз. В ионосфере, начиная от высоты около 100 километров, опять начинается быстрое повышение температуры. На высоте 200—300 километров температура, как полагают, доходит до 600—700°! В чём же причина высокой температуры в стратосфере и ионосфере?

Предполагают, что в стратосфере причина этого — озон. Озон — родственник кислорода. Это газ, как и кислород. Но молекула его состоит из трёх атомов, а молекула кислорода — из двух атомов. После грозы мы ощущаем необычную свежесть, потому что в воздухе под действием атмосферного электричества образуется озон. В высоких слоях атмосферы озон образуется под действием энергии, которую несут с собой ультрафиолетовые солнечные лучи. Встречая солнечные лучи, озон нагревается. Наибольшее количество озона находится на высоте 35—50 километров, там, где наблюдается высокая температура воздуха.

Атмосфера пронизывается мощным космическим излучением.

Космические лучи — это потоки мельчайших электрически заряженных частиц. Они несутся из мирового пространства и обладают колоссальной энергией. Войдя в атмосферу, космические лучи разбивают атомы воздуха, растрачивая на это свою энергию. Наблюдение за тем, как это происходит, позволяет нам глубже проникать в тайны строения вещества.

История этого открытия такова. Учёные обнаружили в воздухе электрически заряженные частицы. Они думали, что причина этого — радио-

активные элементы, которые есть всюду вокруг нас. Эти элементы испускают заряженные частицы и делают воздух проводником электричества.

Тогда на большой высоте, вдали от земли, где нет радиоактивных элементов, в воздухе не должно быть заряженных частиц.

Чтобы проверить эту догадку, учёные поднялись с чувствительными приборами на воздушном шаре. Но чем выше они поднимались, тем больше заряженных частиц обнаруживали приборы.

Учёные очень заинтересовались этим явлением.

Мощные потоки заряженных частиц были найдены не только в воздухе, высоко над землёй. Приборы обнаружили эти частицы в глубоких шахтах и на дне озёр.

Космические лучи — интереснейшая загадка природы, над разгадкой которой успешно работают наши учёные.

Выдающиеся работы советских учёных, изучающих космические лучи,— академиков Алиханова и Алиханяна, профессора Вернова — отмечены Сталинскими премиями.

В высоких слоях атмосферы происходит много интересных явлений.

Освещённые солнечным светом, капельки воды образуют на больших высотах красивые светящиеся облака. В ионосфере в несколько слоёв располагаются слои заряженных частиц, от которых отражаются радиоволны.

В разреженном воздухе над полюсами возникает красивейшее явление природы — полярное сияние. Вот как описывает его один русский путешественник:

«...Долгие месяцы длится полярная ночь. И только полярное сияние нарушает темноту, освещает небо или, вернее, воспламеняет его. Из бледных столбов и дуг вытекают большие кисти света, заключающие в себе многие радужные цвета, а в особенности: светлорозовый, бледнозелёный и светлофиолетовый.

Эти кисти длинными и тонкими струями бегают параллельно самим себе по всему небосклону, переливаясь различными огнями, и покрывают всё видимое пространство небесного свода».

В атмосферу Земли влетают заряженные электричеством частицы, несущиеся от Солнца. Они заставляют воздух светиться, подобно тому, как светится разноцветными огнями разреженный газ под действием электричества в трубках световых реклам и вывесок. Земля — огромный магнит. Поэтому потоки частиц отклоняются к полюсам, где наблюдаются полярные сияния.

И ещё много других интересных явлений происходит в атмосфере, много ещё в ней есть загадок. Но наука решает их.

ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ

Выше, дальше, быстрее — девиз лётчиков.

Но почему «выше» — значит «быстрей»?

Воздух — опора самолёта в полёте. Без воздуха крылья не смогли бы поддерживать самолёт, а винт перестал бы его тянуть.

Но есть и оборотная сторона медали. Воздух мешает полёту, если лететь быстро. Сопротивление воздуха увеличивается с ростом скорости полёта. Особенно быстро растёт оно, когда скорость приближается к скорости звука (1200 километров в час). И если лететь с большой скоростью в плотном воздухе у земли, то значительную часть мощности мотора нужно будет тратить на борьбу с возросшим сопротивлением воздуха.

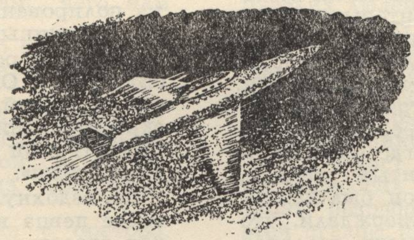
А мы хотим летать быстрее. Современные самолёты уже летают со скоростями около 1000 километров в час. Реактивные двигатели обеспечивают нам такие скорости, которые ещё недавно казались фантастическими. Они помогут нам летать со скоростями в несколько тысяч километров в час. Но для этого нужно летать выше — там, где воздух мало мешает полёту.

И авиация стремится подняться на поверхность воздушного океана, чтобы летать с невиданными ещё скоростями. Крылья нужны будут самолётам только для полёта в плотном воздухе, при взлёте и посадке. На огромных высотах ракетные самолёты полетят как снаряды, выпущенные гигантской пушкой.

Там, в стратосфере и ионосфере, проходят голубые дороги будущего. Эти дороги — особенные дороги. Они соединяют не город с городом, а материк с материком, полюс с полюсом.

Люди изучают воздушный океан и овладевают им. Недалеко то время, когда вслед за приборами на неизведанные высоты поднимется и человек. Он проложит эти голубые дороги.

Но чтобы быстрее настало это время, нужно ещё много работать. Для всех найдётся здесь дело — будете ли вы физиками или метеорологами, авиационными инженерами или ракетными пилотами, математиками или астрономами. Быть может, и многие из вас, мои читатели, будут участниками этой увлекательной работы.

ДЕТИ ГОРЧИЧНОГО РАЯ

(Продолжение)

Н. Кальма **Рис. В. Цельмера**

КОНЦЕРТ «ЧЕРНОГО КАРУЗО»

Сам владелец помещения Бэн Майнард называл его танцовальным клубом «Колорадо», но жители Стон-Пойнта знали его больше под именем «Вертеп старого Майнарда». Это было огромное деревянное сараеобразное строение со скамьями и стойкой для напитков, которая могла после некоторых переделок превратиться в сценические подмостки.

Неизвестно, какими доводами подействовал Джон Майнард на отца, но старик сам позвонил по телефону Джорджу Монтье и сказал, что охотно предоставит зал под концерт Джима Робинсона.

С тех пор как Бэн Майнард развесил всюду афиши, извещающие, что в ближайшее воскресенье известный всему миру певец Джим Робинсон выступит в «Колорадо» для беднейшего населения города, и в лачугах Горчичного Рая и в роскошных домах на Парк-авеню все разговоры вертелись вокруг этого концерта.

На концерт мечтали попасть решительно все. Даже элегантнейшие представительницы «тринадцати семейств» мучили своих мужей и братьев бесконечными требованиями во что бы то ни стало раздобыть хотя бы парочку билетов на выступление знаменитого негра.

И несмотря на то, что Ричи, Квинси, Беннет и все остальные друзья Джима старались, чтобы билеты на концерт достались только обитателям Нижнего города — рабочим и беднякам, — некоторая часть билетов неизвестно как просочилась в особняки Верхнего города и даже попала в руки таких людей, которые были совсем нежелательны. Когда билетёры, поставленные Бэном Майнардом в дверях «Колорадо», начали проверять билеты, то среди публики они угадали большое количество переодетых полицейских и сыщиков.

Давно уже Нижний город не видел такого съезда. Вся улица перед «Колорадо» была запружена людьми и автомобилями. По углам толпился народ, не получивший билетов, но чающий какими-нибудь судьбами всё же попасть на концерт. Предприимчивый фотограф бойко торговал десятицентовыми фотографиями певца. Какой-то оратор в жилете, надетом поверх клетчатой рубахи, забравшись на цинковый ящик из-под шипучки, рассказывал кучке зевак биографию Джима Робинсона. Из рук в руки переходил номер «Стон-пойнтовских новостей», где было напечатано интервью со знаменитым певцом. В этом интервью Джим Робинсон был назван агентом «красных». Газеты утверждали, что он получил от Москвы сто тысяч долларов за коммунистическую пропаганду в Штатах. За углом стояли наготове полицейские автомобили.

— Чувствую, что я у себя на родине, — сказал Джим, которому Чарли передал все эти новости, — давно меня не встречали так торжественно, даже с полицейским автомобилем.

Джим улыбался, но Чарли почувствовал в его словах глубокую горечь.

В двух кварталах от «Колорадо» маленький домик Робинсонов светился всеми своими окнами. Вся семья принимала участие в сборах Джима на концерт. Конечно, в Европе ему служили более опытные камердинеры и парикмахеры, но никогда в эти заботы не было вложено столько любви и внимания.

— Доктор Рендаль приехал за тобой, Джим, — сказала Салли. — Я попросила его сюда, наверх.

Джим надел манишку и фрак, и эта одежда сразу как бы отделила его от семьи. Теперь перед ними был «Чёрный Карузо», знаменитый на весь мир певец, и Салли, взглянув на преобразившегося шурина, почувствовала гордость и робость.

— Предвкушаю удовольствие слушать вас, мистер Робинсон,— сказал доктор Рендаль, обмениваясь с певцом крепким рукопожатием. — Помню, какое наслаждение доставило мне ваше пение в Париже... Боюсь, однако, что здесь, в нашем городе, не обойдётся без какого-нибудь скандала.

— Ну и ну! — рассмеялся Джим. — Очень бодрящая обстановка, как говорит наш друг Цезарь, — он взглянул в окно, где быстро сгущались сумерки. — Однако нам, кажется, пора ехать. Остаётся восемь минут до выхода.

Доктор Рендаль спустился первым и, усадив Салли, Чарли и Джима в свой поместительный «крайслер», повёз их боковыми улицами к переполненному «Колорадо».

Ровно черезь восемь минут Джим Робинсон вышел на сцену.

Едва только его высокая фигура появилась на эстраде, точно лавина обрушилась в зале. Горчичный Рай аплодировал своему певцу.

Джим Робинсон поклонился. Потом обернулся к роялю, за которым уже сидел Джордж Монтье, и что-то тихо сказал музыканту.

Рояль зарокотал, и вверх взмыла сильная и мягкая волна звуков. Джим положил руку на полированную крышку рояля и запел. Он пел старинный негритянский гимн:

«Великая река течёт. Она течёт и всё уносит с собой. Она всё знает, великая река. Она видела людей, и многие страны, и человеческие страдания, и радости. И течёт, течёт и стремит свои большие воды невозмутимая великая река».

Зал вздохнул. Волшебный, проникновенный голос певца вливался в души людей. Глубокая страсть, сила и скорбь дышали в этом голосе. Казалось, чьи-то чуткие пальцы касаются самых заветных струн в человеке, и слушатели замерли, впивая в себя вековечную тоску и мудрость негритянского народа, воплощённые в этом гимне.

Замер последний звук, и люди, очнувшись, неистово загрохотали, засвистели и застучали ногами от восторга.

— Теперь русскую песню! — внезапно крикнул чей-то высокий юношеский голос, и зал, точно только и ждал этого сигнала, начал взывать громко и настойчиво:

— Русскую песню! Русскую песню!

— Давай, давай, Робинсон!

— Песню Советов!

Но тотчас же в эти голоса вмешались другие — визгливые, злые:

— Долой красные песни!

— Не позволим!

— Он не посмеет, а то мы ему сумеем заткнуть глотку!

В разных углах зала виднелись взволнованные, возбуждённые лица. Соседи волками смотрели друг на друга. Кто-то у самой эстрады злобно и громко сказал:

— Пусть только попробует, чёрная образина, — мы ему покажем!

Джим Робинсон вспыхнул и повернулся к Джорджу Монтье. Музыкант положил тёмные пальцы на клавиши рояля и, казалось, только ждал знака, чтобы начать. Певец слегка кивнул — не то слушателям, не то аккомпаниатору. Торжественный аккорд прозвучал над залом, и вмиг все стихли. Эта песня была совсем не похожа на тоскливый негритянский гимн.

«От края и до края,
От моря и до моря...» —

пел Джим Робинсон на незнакомом людям языке. Песня росла, разливалась, взлетала вверх, как гордая большая птица, и парила над залом торжественно и важно. И перед каждым слушателем возникало видение какой-то необозримой, светлой страны, синих морей, золотых хлебов и солнечной бесконечной дороги, по которой так хорошо и вольно шагается весенним утром. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло счастьем и уверенностью, так что каждому хотелось выпрямиться, расправить плечи и смелым взором окинуть мир.

Наэлектризованная песней, толпа слушала её со страстным участием. И едва только замер последний звук, едва успели пальцы Джорджа Монтье соскользнуть с клавиш рояля, как в зале закричали, всплеснулись сотни голосов:

— Речь! Речь! Скажите слово!

— Правду! Скажите правду!

Какой-то парень в синем комбинезоне приставил руки ко рту и крикнул:

— Робинсон, вы скажите нам: чего нам ждать — войны или мира?

— Долой! Долой! — завыли его соседи.

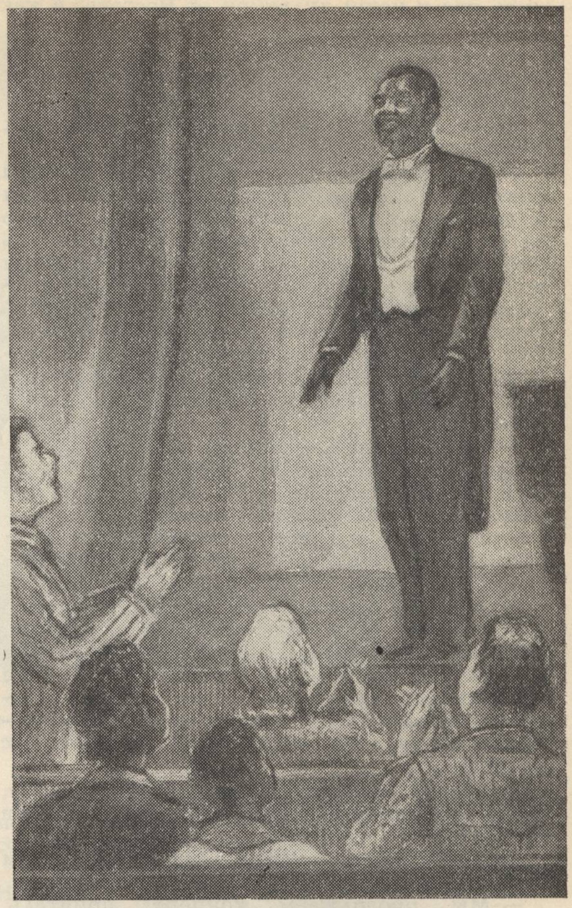
Парень получил удар в бок и упал на скамейку.

Певец обвёл глазами бурлящий зал.

— Друзья мои, — сказал он своим глубоким, мощным голосом, — друзья мои, я только что вернулся из России, из Советского Союза ..

Люди замерли, не сводя глаз с оратора.

— Нам говорят, что Советский Союз готовится к войне, что он хочет завоевать и разгромить наши города. Нас пугают красной опасностью, чтобы заставить взяться за оружие. Но мир не хочет войны. Я был на Всемирном конгрессе сторонников мира. Все нации, все расы были представлены на этом Конгрессе. Париж напоминал в эти дни гигантский лагерь, где собрались бойцы за прочный мир на земле. И мы знаем теперь: человечеству грозит не Советский Союз, а кучка людей, у которых в руках золото и военные базы, радиостанции и газеты, бомбардировщики и атомные бомбы. Судьба наших детей и судьба культуры зависит сейчас от того, сможем ли мы отстоять мир.

Джим Робинсон вышел на сцену.

Друзья, я только что был в Советском Союзе. Я проехал много городов и видел много русских людей. Русские отстраивают Сталинград, возводят в Москве величественное здание университета, они сажают леса и украшают свои города новыми садами. Ни один человек в России не говорит о войне. Это могучая, но мирная страна.

Джим Робинсон провёл рукой по волосам.

— А у нас? Что мы видим у нас, в Америке? — спросил он, обращаясь к залу. — Миллионы безработных, которые скитаются по всей стране, не находят пристанища, лачуги Горчичного Рая и дворцы богачей. Не спросив нас, простых людей, богачи заключают Атлантический пакт — военный союз, который должен привести народ к войне, выгодной для них. По словам этих людей, они хотят защи-

тить нас и нашу культуру от Востока. А как они её защищают?

— Замолчи, грязный негр! — заорали несколько глоток откуда-то сверху, но тотчас же смолкли.

Джим продолжал, как будто не слыша этих выкриков:

— Они говорят высокие слова о расовом равенстве, а сами обливают негров бензином и сажают их на электрический стул только за то, что негр осмелился хоть в чём-нибудь уподобиться белому. Они набирают дивизии из бывших эсэсовцев. Они говорят о предательском нападении фашистов на Советский Союз, а сами готовят такое же нападение. Вы, рабочие, разве вы не знаете, как лихорадочно готовят ваши хозяева на заводах орудия и бомбардировщики, как готовят они атомные бомбы?

— Знаем! Знаем! — отвечал зал.

Крики и волнение всё возрастали. Теперь уже только передние ряды могли явственно слышать то, что говорил певец.

— Так чего же мы смотрим, друзья? — вскричал Робинсон. — Почему мы бездействуем?

— А вот я вам сейчас покажу, как надо действовать! — громадный детина в чёрном, наглухо застёгнутом пиджаке вскарабкался на сцену и направился к певцу, угрожающе размахивая кулаками. — Сию минуту заткнись и выметайся отсюда, не то мы разнесём к чорту весь этот сарай и всех вас заодно!

— Долой нигера! Заткни ему глотку, Билл! — подхватило сразу несколько голосов из зала...

Джим Робинсон смерил ледяным взглядом детину:

— Мы продолжаем концерт, приятель. Будьте добры очистить сцену.

— Ничего подобного. Мы больше не разрешаем выступать, — объявил тот. — Мы настоящие янки и не позволим поносить правительство. Сказано вам: выметайтесь отсюда, пока целы!

Он неосмотрительно подошёл слишком близко к краю подмостков. Снизу поднялись сильные руки Ричи, рванули его за брюки — и детина мгновенно исчез, как исчезают со сцены черти в волшебных сказках.

Зал словно только и ожидал такого сигнала к действию. Оглушительно засвистели полицейские свистки. Снаружи им ответили сирены полицейских автомобилей. Над головами замелькали дубинки.

На подмостки вскочило сразу несколько молодчиков с квадратными, бульдожьими челюстями, но на помощь Джиму и Джорджу Монтье уже подоспели друзья. Квинси, Беннет, Гирич, Ричардсон, старый дядя Пост окружили их.

Под самыми подмостками Цезарь крепко держал единственной своей рукой какого-то подозрительного молодца и не давал ему подняться на сцену.

— Пусти, негр! Я тебе говорю, немедленно отпусти меня, чорт! — хрипел тот, вырываясь и стараясь ногой поддеть деревяжку Цезаря, чтобы опрокинуть своего противника на землю.

— Подножки даёшь, мерзавец! — Цезарь потуже захватил ворот парня и затряс его из стороны в сторону, как котёнка, приговаривая: — Не давай подножек. Не давай подножек! Это подло, за это вашего брата ещё в школе бьют!..

В «Колорадо» ворвался отряд полицейских с Ньюменом во главе. Ньюмен тотчас же оценил обстановку. Увидев окружённого друзьями певца на сцене, он остался очень доволен.

— Так я и думал, — проворчал он сквозь зубы, — вся компания здесь. О'кэй, меньше будет хлопот. Заберёте вон тех, — кивнул он своим подручным на подмостки, где полицейские уже оттесняли Джима от его друзей.

Увидев мундиры полисменов на сцене, Чарли крикнул не своим голосом и с кошачьей ловкостью вспрыгнул на подмостки.

— Дядя Джим, я здесь! Мы с тобой! Мы вместе! — дрожа, повторял мальчик.

Слёзы ярости душили его, он оттаскивал кого-то за рукав, нырял головой в чьи-то душные пиджаки. Полицейская пуговица расцарапала ему сверху донизу щёку, кто-то ударил его так, что на минуту у него зашлось дыхание, — но он продолжал пробираться вперёд, к Джиму. За ним по пятам следовала Салли.

Внезапно раздался выстрел. И тотчас же отчаянный женский вопль вознёсся над общим шумом и заставил многих оглянуться. Подвернув деревянную ногу, у подмостков лежал Цезарь. Глаза его уже гасли, на синей рубашке у самого сердца расплывалось тёмное пятно. Темпи, продолжая кричать, пыталась его поднять, но он выскользнул из её рук и с глухим стуком упал на пол. Выстреливший в Цезаря парень, тот самый, которого Цезарь держал за воротник, уже помогал полицейским на сцене.

Полицейские заняли все выходы. Всё громче ревела сирена. Снаружи распоряжался майор Симсон.

— Джон, Джон, где ты?! — кричал в толпе испуганный насмерть старый Майнард, владелец помещения.

Он с ужасом видел, как опрокидываются и ломаются скамейки, как трясётся и ходуном ходит и вот-вот грозит обрушиться весь зал. Но страшней всего для него было внезапное исчезновение сына.

А Джон, увидев, что Чарли вскочил на сцену, немедленно последовал за своим другом. Путь ему преградил толстый полицейский:

— Куда лезешь, парень? Тут тебе не место! — и полицейский отшвырнул Джона.

Падая, мальчик ударился головой о скамейку и, обливаясь кровью, остался лежать у подмостков.

Ричи вытащил из кармана фронтовой пистолет, который так славно помогал ему бить фашистов.

— Уложу первого, кто подойдёт слишком близко, — предупредил он, наводя дуло на стоящего впереди убийцу Цезаря.

Тот присел, как зверь, собирающийся прыгнуть, и ринулся на учителя. Раздался выстрел — человек заревел и скатился с подмостков. Ричи снова поднял пистолет. Подкравшийся сбоку полисмен изо всей силы ударил Ричи дубинкой по руке. Пистолет с грохотом

— Не позволю! Не смейте бить мою мать!..

упал на деревянный помост, и рука Ричи повисла, как плеть. Чарли бросился за пистолетом, но полицейский предупредил его и с силой отшвырнул в сторону.

— Ну, поиграли — и хватит, — Ньюмен появился на подмостках, как хозяин положения. — Пора закрывать занавес. Снуд, Хартфилд, делайте ваше дело.

Полицейские окружили певца и его друзей.

— Послушайте, Ньюмен: что здесь, чорт возьми, происходит? Вы что, специально организовали это побоище?

Это говорил доктор Рендаль. Повидимому, пытаясь пробраться на сцену, он тоже выдержал горячую схватку. Его обычно гладко причёсанные седые волосы стояли дыбом, поперёк лба шла большая ссадина.

— Доктор Рендаль... — притворно изумился сыщик. — Весьма прискорбно, сэр, что я нахожу вас здесь, в этом вертепе и в подобной компании... Вот уж никак не думал, что вы заодно с нигерами и всеми этими красными агитаторами!..

— Вы мне не читайте нотаций! — побледнел доктор Рендаль. — Мистер Джемс Робинсон — человек, известный всему миру, и то, что вы устроили на его концерте, будет известно в Европе.

— Я не удивляюсь, например, что нахожу здесь мистера Ричардсона, — продолжал Ньюмен, как бы не слыша того, что говорил доктор, — у Ричардсона и с чёрными и с красными одна дорога...

— И вы здесь, ребята? — взгляд Ньюмена отыскал Ивана Гирича и Квинси. — Хотите, значит, подбавить себе хлопот и неприятностей? Что же, дело ваше... Хартфилд, перепишите всех и занесите в особый список всех свидетелей.

Джим Робинсон приблизился к сыщику.

— Может быть, вы скажете мне, зачем здесь полиция и в чём нас обвиняют? — спросил он со спокойным достоинством.

— А вы, э... э... мистер Робинсон, — сказал Ньюмен, с трудом выдавливая из себя слово «мистер», — поёте гимны красных, агитируете против правительства, а потом удивляетесь, почему пришли чужие дяди в мундирах?.. Ладно, собирайте ваши пожитки — и пошли...

— Не смейте его трогать! — вырвалась вдруг вперёд Салли Робинсон. — Вы, грязный сыщик, уберите руки, не смейте дотрагиваться до Джемса Робинсона!

Салли была вне себя. Её тоненькая фигурка дрожала с головы до ног. Ньюмен зарычал на неё:

— Убирайся отсюда, чёрная дура, пока тебя не забрали!

Салли стояла у него на дороге. Он шагнул вперёд и изо всей силы толкнул её в грудь. Маленькая женщина, застонав, опрокинулась навзничь. В этот же момент раздался резкий вскрик, и Чарли повис на сыщике. Он вцепился в Ньюмена и, точно клещами, сдавил ему горло. Сыщик замотал головой, стараясь оторвать от себя мальчика. Со всех сторон на помощь сыщику ринулись полицейские.

— Не позволю! Не смейте бить мою мать!.. — крикнул Чарли.

Но вдруг его руки разжались: тяжёлый приклад пистолета опустился ему на голову.

Высокий полицейский равнодушно оттащил в сторону бесчувственное тело мальчика.

— Всех — по машинам! — хрипло скомандовал Ньюмен.

Истошно взвыли сирены. Людей прикладами впихивали в автомобили. Из «Колорадо» поспешно выносили убитых и раненых.

СУД

Следствие по делу о «заговоре против существующего строя» велось в таком быстром темпе, что уже в полдень ближайшего понедельника можно было назначить заседание суда.

В понедельник, утром, задолго до начала заседания, к зданию суда начали стягиваться конные и пешие полисмены. Их было так много, они так старательно оцепляли всю дорогу, ведущую от тюрьмы к зданию суда, так густо стояли у всех окон и дверей, что каждому прохожему становилось ясно: судят чрезвычайно злостных и опасных преступников.

Разумеется, и присяжные, явившиеся в суд, также обратили внимание на удесятерённое число полицейских в зале и снаружи и сделали из этого нужные выводы.

Присяжных заседателей было двенадцать. Два крупных торговца кожами, аптекарь, пастор из прихода на Парк-Авеню, владелец «Атенеума» Тэрнэр, ярый ненавистник негров, кузнец Милло — отец Долговязого Лори, управляющий заводом Милларда Коттон, агент по продаже недвижимости, человек недалёкий и равнодушный ко всему, кроме собственного благосостояния, банковский клерк, два фермера, арендующие земли у Большого Босса, и мисс Вендикс.

Задолго до начала заседания зал суда был переполнен.

В первых рядах сидела публика из Верхнего города со своими великосветскими приятелями, специально приехавшими на процесс знаменитого негритянского певца. Парк Бийл восседал со всем своим семейством и приготовлялся смотреть на судебную процедуру, как на интереснейший матч. Он мысленно прикидывал силы прокурора и защитника, приехавших из Нью-Йорка. Разумеется, защитнику, скромному, бледному человеку со сдержанными движениями, не выстоять против щеголеватого, уверенного в себе прокурора.

Если бы оказался подходящий партнёр, Парк Бийл непременно заключил бы с ним пари и поставил бы крупную сумму на прокурора. Это было бы верное дело, но все понимали, что шансы прокурора намного выше, и никто не стал бы спорить с Бийлом и просаживать так глупо свои деньги.

Задние ряды были заняты Горчичным Раем. Здесь находились все друзья обвиняемых. Прижавшись к Салли, сидели Василь и близнецы Квинси. Все эти дни перед судом они провели в доме Робинсонов, и Салли стала для них как бы второй матерью.

Василь ещё крепился и старался сохранить хоть видимость спокойствия. Зато Вик и Бэн Квинси выглядели совсем несчастными, и, когда полисмены ввели подсудимых, Бэн не выдержал и закричал сквозь слёзы:

— Папа, папа, мы здесь!

Зал сотнями глаз уставился на подсудимых.

Джим Робинсон вошёл так, как, вероятно, входил он на все эстрады мира: полный самообладания.

Тотчас же за Джимом, стараясь во всём подражать ему, спокойно и бесстрашно глядя на публику, вошёл Чарли. В зале пронёсся гул. По газетам, племянник певца был дюжим парнем разбойничьего вида, с повадками гангстера. Тут же, перед публикой, стоял тонкий, как тростинка, мальчик с живым и привлекательным лицом, с высоким, умным лбом, над которым вились блестящие чёрные волосы.

У Ричи в тюрьме отросли маленькие усики, и это придавало ему бравый и военный вид.

Иван Гирич шёл, хмуро и неподвижно глядя перед собой, и когда кто-то из передних рядов кинул ему: «Большевик!», — он даже не повернул головы. Зато Квинси озирался по сторонам с самым безмятежным видом, как будто он пришёл поглазеть на какое-то интересное зрелище. Он сразу насторожился, услышав голос Бэна, и ободряюще махнул сыновьям рукой.

Фотографы и кинооператоры проворно выскочили вперёд, защелкали объективами, закрутили ручки киноаппаратов. Заняли свои места секретари, стенографисты и судебный распорядитель.

— Суд идёт. Прошу встать! — громко объявил он.

Все встали. При общем молчании вошел судья Сфикси, ещё более одутловатый, чем всегда. Он занял кресло под двумя скрещёнными флагами — США и штата. Заняли свои места и прокурор с защитниками. С шумом расселись за барьером присяжные заседатели, и один из торговцев кожей тотчас же начал жевать резинку.

Джим Робинсон внимательно оглядел состав суда. Молодой защитник так заметно волновался, что Джиму захотелось его ободрить; он кивнул и улыбнулся молодому адвокату, и тот мгновенно просиял.

— Бедняга, ему так хочется помочь нам всем!.. Но, боюсь, все его усилия напрасны... Здесь всё уже предрешено, — успел сказать Джим Робинсон учителю.

Секретарь, худосочный юноша, зачитал гнусаво и неразборчиво постановление суда о вызове свидетелей: Ньюмен, его помощник Кольридж, только что оправившийся от раны, нанесённой ему подсудимым Ричардсоном; директор школы Мак-Магон; преподаватель Хомер, миссис Кристина Причард; мисс Патриция Причард...

При этом имени Чарли вздрогнул. Пат здесь?! Он её увидит! Значит, она хочет выступить, защитить его. Она хочет опровергнуть ту гадкую ложь и клевету, которую писали газеты. О, Пат, молодец! Значит, он, Чарли, не ошибся в ней! И какая она смелая, какая честная!

Чарли не обратил внимания на то, что все названные имена представляли свидетелей обвинения.

Свидетелей, вызванных защитником, оказалось смехотворно мало. Защитник не мог рассказать залу о том, как отводил судья всех, кого он просил вызвать.

Обвинительное заключение прозвучало так, как будто на скамье подсудимых находились не знаменитый певец, мальчик, молодой учитель и двое рабочих, а по крайней мере матёрые политические диверсанты, вооружённые до зубов. Измена, тайный заговор, покушение на убийство...

Сфикси повернулся в своём кресле к подсудимым:

— Признают ли подсудимые себя виновными? Вы, Джемс Робинсон?

— Нет, сэр, — певец поднялся на ноги и смотрел сверху вниз на маленького судью.

— Вы, Ричардсон, вы, Чарльз Робинсон?

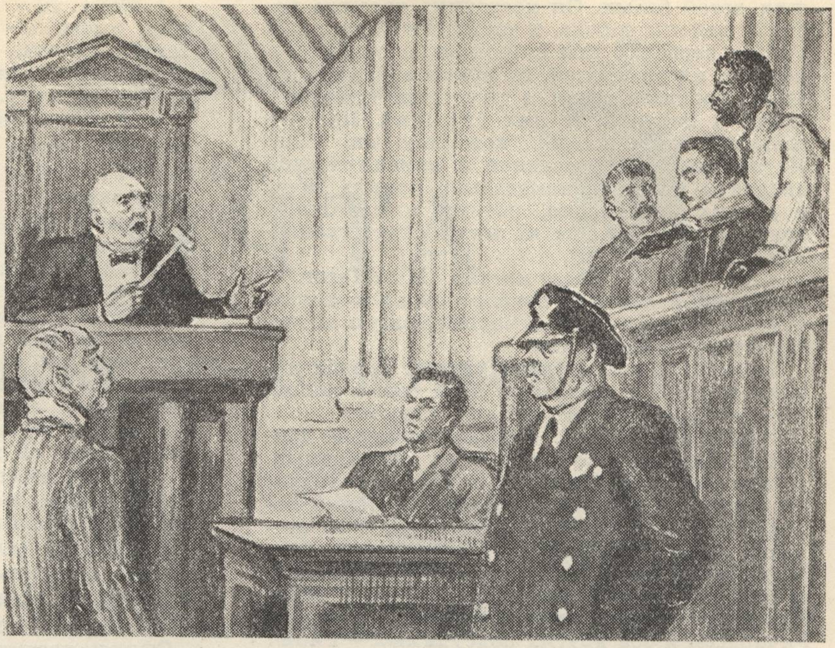
— Нет, сэр, не признаю, — прозвучал звонкий голос мальчика.

— Нет!

— Нет!

— Нет!..

— В таком случае приступим к опросу свидетелей, — сказал Сфикси, надевая очки в тяжёлой оправе; надев их, он сразу стал похож на злую старую сову.

—Если шум не прекратится, я прикажу всех вывести, — заявил Сфикси.

Судью лихорадило. Казалось, вся Европа и часть Америки сошли с ума. Со вчерашнего дня тысячи писем завалили столы в конторе Сфикси. Писали и телеграфировали из Комитета при Конгрессе сторонников мира, из различных прогрессивных организаций, из союзов музыкантов, художников, писателей, учёных, с крупнейших заводов и фабрик, из лабораторий и научных институтов. Все в один голос требовали освобождения Джима Робинсона и его товарищей.

Однако менять курс, намеченный Миллардом, было поздно. Сфикси с испугом и радостью следил за тем, как ловко допрашивает свидетелей обвинения приглашённый Большим Боссом прокурор и как всё туже и туже стягивается сеть обвинительных доказательств вокруг подсудимых. В конце концов, что смогут возразить и сделать всякие конгрессы и митинги против вопиющих фактов?!

Прокурор Кук предъявил суду вещи, найденные при обвиняемых: пистолет Ричардсона; билет делегата на Конгресс сторонников мира, выданный на имя Джемса Робинсона; письмо из Москвы на имя того же Робинсона; географический атлас, обнаруженный у обвиняемого Гирича, и книга, содержащая коммунистическую агитацию, отобранная у школьника Чарльза Робинсона и носящая довольно специальное название: «Как закалялась сталь». По словам школьника Чарльза Робинсона, эту книгу привёз ему в подарок его дядя, что служит ещё лишним доказательством подрывной деятельности Джемса Робинсона в Штатах.

Затем один за другим выступили свидетели.

Первым за свидетельским барьером появился Эйнис, репортёр «Стонпойнтовских новостей» и референт по вопросам международной политики, как он отрекомендовался суду.

Он показал, что, будучи послан своей газетой для интервью с певцом, он застал Джима Робинсона в чрезвычайно возбуждённом и агрессивном состоянии. В продолжение разговора Робинсон несколько раз угрожал ему физическим насилием, если он, Эйнис, осмелится разоблачать его в печати. Но искусно поставленными вопросами свидетель принудил Робинсона сознаться, что за своё выступление в Конгрессе сторонников мира он, Робинсон, получил крупную сумму от Советов, хотя подсудимый и пытался замаскироваться заявлением, что будто бы получил эти деньги в качестве платы за концерты.

Всё это Эйнис проговорил без малейшей запинки, глядя в переносицу прокурора и не поворачиваясь к подсудимым.

Затем, холодно блистая очками, на свидетельском месте появился директор Мак-Магон.

Да, сэр, он может дать характеристику двум подсудимым: учителю Ричардсону, преподававшему в его школе и недавно уволенному за свои антиамериканские воззрения и поступки, и ученику Робинсону, помещённому в школу из милости по распоряжению мистера Милларда.

Подсудимый Ричардсон использовал своё положение преподавателя для того, чтобы внушать молодому поколению вредные коммунистические идеи и всячески разлагать его. Делал он это с присущей всем коммунистам дьявольской хитростью и ловкостью: в своём кабинете повесил портреты Джона Брауна и Вашингтона, внушал детям, что прошёл век благородных деятелей, которые боролись за равноправие всех угнетённых. Среди учеников у Ричардсона были любимцы-цветные, зато он преследовал способней-

ших детей белых. Он постоянно посещал рабочие районы города, в частности Горчичный Рай, и вербовал там сторонников среди учеников и их родителей. Во время войны он завязал прочные связи с русскими коммунистами и получал от них указания. Попечительский совет школы, которому он, Мак-Магон, доложил о вредной и изменнической практике учителя, немедленно принял меры и уволил Ричардсона, потому в настоящее время школа больше не несёт ответственности за его поступки.

— Благодарю вас, мистер Мак-Магон, — необычайно любезно отнёсся судья к директору, — вы дали суду исчерпывающую характеристику обвиняемого.

Ньюмен появился перед судом с забинтованной шеей и показывая всем своим видом, что он только чудом остался живым.

Сыщик располагал самыми точными данными относительно всех пяти обвиняемых. Джемс Робинсон приехал в город, и тотчас же в рабочих районах началось волнение, потому что все рассматривали певца как посланца Советов. Концерт в «Колорадо» был задуман давно. Его программу, разумеется, отнюдь не музыкальную, ваша честь, вырабатывали сообща сам Робинсон, учитель Ричардсон и оба других подсудимых — Гирич и Квинси — на собрании в доме Робинсона. Предварительно рабочие Гирич и Квинси пытались вызвать волнения на заводе Милларда, но им это не удалось благодаря своевременному вмешательству администрации и его, Ньюмена. Что касается Чарльза Робинсона, то это законченный бунтовщик и коммунист, ваша честь. Мальчишка не зря отказался от дактилоскопирования: он и тогда уже знал, что отпечатки его пальцев рано или поздно пригодятся суду. Он, Ньюмен, может показать суду свою шею. Врач сказал, что ещё секунда, и Ньюмен отправился бы прямо на небо.

Вы только подумайте: негр бьёт белого! Что же это такое, джентльмены? На Юге их за это линчуют, а здесь мы спокойно смотрим, как чёрный мальчишка набрасывается на белого.

— Однако вы ударили мать мальчика, и он вынужден был вступиться за неё, — вмешался защитник, нервно перебирая бумаги на своём столе.

Ньюмен принял глубоко оскорбленный вид:

— Нет, сэр, я никогда ещё не бил женщин. Эта цветная просто мешала мне пройти, и я слегка отстранил её...

— Отстранили так, что она упала наземь? — продолжал защитник.

Ньюмен пожал плечами.

— Почем я знаю? Может, негритянка была просто пьяна? — нагло возразил он.

— Это ложь! — вскричал, вскакивая, Чарли. — Он лжёт! Заставьте его замолчать!

Последние ряды разразились возмущёнными криками. Многие от негодования топали ногами.

— Если шум не прекратится, я прикажу всех вывести, — заявил Сфикси, — а вам, молодой человек, — он обратился к Чарли, — вам я посоветую молчать, иначе вы только усугубите свою вину...

— Мой помощник Кольридж может подтвердить, что я только отстранил мать этого парня, — сказал Ньюмен, испуганный волнением зала.

Вызвали Кольриджа. Убийца Цезаря появился, тяжело опираясь на костыли. Этот огромный детина добросовестно играл роль смертельно раненной жертвы.

Избегая упоминать об убийстве Цезаря, он рассказал, как на него в зале напали цветные, как он пытался от них освободиться, вырвался и побежал на сцену и как здесь в него начал стрелять Ричардсон. Он просто несчастная жертва, и почему именно его хотели убить, он не знает.

— Так, значит, вы утверждаете, что не вы убили негра, ветерана войны, Цезаря? — задал вопрос защитник.

Кольридж, задыхаясь, простонал, что ему трудно говорить, но что если он и выстрелил в негра, то сделал это в целях самозащиты: негр хотел его убить, это всякому ясно.

Сфикси застучал молотком. Горчичный Рай волновался. Слышались возмущённые крики и свист.

«Горилла» Хомер, вызванный прокурором, повторил почти всё, что сказал директор школы. Да, сэр, бывший учитель Ричардсон злоупотребил своим служебным положением. Расовое равенство, разные коммунистические идеи были его коньком, и он постоянно в классе пытался влиять на своих учеников. К счастью, сэр, американские дети не так-то легко поддаются подобной пропаганде! Только цветных удалось ему обратить в свою веру, в частности, обвиняемого ученика Чарльза Робинсона. Он, Хомер, всегда предсказывал, что этот мальчик плохо кончит.

Следующим свидетелем оказался президент школы Коллинз. Он быстро и невразумительно пробормотал что-то о том, что ученик Робинсон ни в чём особенно замечен не был, но, впрочем, популярностью среди школьников не пользовался, так что даже в середине учебного года седьмой класс решил его устранить и выбрать другого старосту. Кажется, однако, вся эта затея кончилась ничем по неизвестным для него, президента, причинам. Больше он ничего сказать не может, так как всё это время готовился к спортивной встрече с Хэнтером из Гренджер-сити и ничего не знает.

И у публики и у защитника было ощущение скуки и потерянного времени от выступления президента школы. Однако прокурор был им очень доволен.

Коллинз внёс свою лепту в собрание дурных характеристик, данных подсудимым, — этого и добивался прокурор.

(Окончание в следующем номере.)

наша ПОЧТА

История одного журнала

О том, что придумала Нина

Проходила осень. Уже тонким ледком затянулся школьный пруд. Уже рябина сбросила с веток красные, свернувшиеся в трубочку листья и покрыла ими дорожку школьного сада. Трава утром становилась белой от инея. А небо было по-летнему тёмноголубым. Эта осень была на редкость сухой и красивой.

И вот в такую чудную осень ворвалась зима. Вдруг подул северо-восточный ветер, небо затянулось бесконечной тучей, стало мрачно и неуютно в школьном саду. Потом пошёл снег, сначала очень мокрый. Он падал и пропадал, превращаясь в воду. Затем снег уже стал похожим на настоящий зимний снег. Всё сразу повеселело: белыми стали крыши домов, деревья, электрические провода.

— Нина,—говорю я моей подруге и соседке по парте,—посмотри в окно, как красиво!

Нина щурит близорукие глаза и некоторое время, улыбаясь, смотрит в окно. Потом отвечает:

— Да, очень красиво!

Прозвенел звонок, и в классе сразу стало шумно.

К нам подходит наш одноклассник Серёжа Шумов.

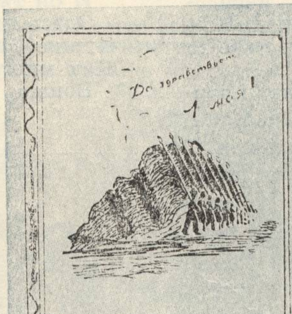
— Девочки, — говорит он, — пойдёмте вместе.

— Ну, что ж! — соглашаемся мы. — Пойдём.

Втроем мы идём по Московской улице. Она ещё напоминает нам о прошедшей войне: сгоревший жилой дом, взорванный кинотеатр. От свежего снега вечер кажется необыкновенно светлым.

— Как мне нравится начало зимы! — говорит Нина.

— А я, — говорит Серёжа, — знаю стихи о начале зимы. Очень похожие на сегодняшнее утро. Прочесть?

Обложка второго номера нашего журнала.

И он декламирует:

Ещё наряднее берёзка стала,
По небу облака летят обрывки.
Снежинки падают и тут же тают,
Но под ногами совсем не липко.
Дороге хочется под снегом скрыться
До тёплых, мартовских, весенних дней,
И полю хочется с рекою слиться
Снежинок тысячью мерцающих огней.

Голос Серёжи как-то оборвался. Видно было, что он волнуется.

— Чьи же это стихи?—интересуюсь я.

— Кажется... Блока,—неуверенно отвечает Серёжа.

— Блока? — Нина смеётся. — Неужели Блок мог написать такие стихи?

— Мог,—угрюмо отвечает Серёжа.

И вдруг виновато улыбается. Я тоже улыбаюсь и говорю:

— Нет, это твои стихи.

— Откуда ты знаешь?

— Догадалась.

Некоторое время мы молчим. Потом Серёжа возобновляет разговор:

— Я давно пишу стихи,—говорит он,—только мне кажется, что всё это—не то. Знаете, девочки, писать хочется так, чтобы стихи радовали и приносили пользу человеку. А разве у меня такие стихи? Да и никто не знает о них,—тихо добавил он.

Нина смотрит на нас, слегка прищурив глаза. Наверно, она сейчас что-нибудь придумает. Так и есть!

— Давайте выпускать журнал,—говорит она довольно решительно и, не давая нам открыть рта, продолжает: — Почему бы действительно не выпускать, а? Наш журнал будет голосом нашего литературного кружка. Ну, как? — и Нина вопросительно смотрит на нас.

— Очень хорошо! — радостно подтверждает Серёжа и уже шуточно-официально, обращаясь ко мне, говорит:

— Товарищ секретарь литературного кружка, просим поставить вопрос о журнале на следующем занятии.

— Ваша просьба будет исполнена, — отвечаю я ему в тон.

Отрывки из моего дневника

29 декабря 1948 года.

Должен выйти первый номер нашего журнала. Его ещё нет, но имя ему уже дали: «Мой друг».

Лёша Комаров рисует обложку: юноша и девушка с комсомольскими значками идут навстречу жизни. Вдали раскинулись сады, огороды, леса, города с фабричными трубами.

Журнал наш небольшой, но в нём много отделов: «Наша жизнь», «Лучшие сочинения», «Хроника», и очерки, и стихи. Очерки небольшие. В них рассказывается о нашей учёбе, о помощи товарищам, о воскресниках. Есть и рассказы. В разделе «Лучшие сочинения» на этот раз мы помещаем три сочинения — Славы Михайлова, Лизы Ногтевой и Любы Степановой — на тему «Мой друг». Недавно мы писали такие сочинения. Тема свободная и очень интересная. Каждый написал по-своему.

9 марта.

Вчера устроили открытый литературный вечер, посвящённый Международному женскому дню. В программу вошли отрывки из романов, поэм, стихи и песни советских поэтов о женщинах.

Очень хорошо декламировали Валя Комова — «Плач Ярославны» из «Слова о полку Игореве» — и Володя Залесский — отрывок из поэмы М. Алигер «Зоя».

Хоровой кружок спел песни о доле женщины в дореволюционной России и о жизни советской женщины, а драматический кружок поставил отрывки из романа М. Горького «Мать».

Собираем материал для следующего номера «Моего друга». Работы много!

Такой рисунок был сделан к заметкам о школьных воскресниках.

Нашего полку прибыло

Мы работали в своём классе. Очень тихо. Лёша рисовал эскиз обложки. Нина переписывала передовую о дне 1 Мая, написанную Игорем Ковалевским. Вдруг кто-то постучался в дверь.

Вошла Ирочка Гагарина, пятиклассница — хорошенькая синеглазая девочка с крохотными косичками.

— Нина, я к вам, — говорит она. — Я видела журнал, мне он очень понравился. Можно и мне дать стихотворение?

— Конечно! — отвечаю я.

Ирочка подаёт мне исписанный листок.

Я читаю:

Да здравствует 1 Мая!
Да здравствует праздник побед!
Пошлём мы товарищу Сталину
Свой пионерский привет.
И встанут у стен мавзолея
Все войска Советской страны.
Да здравствуют наши герои —
Советской Отчизны сыны!

— Хорошо, — говорю я Ирочке, — поместим твоё стихотворение.

Вслед за ирочкиными стихами стали поступать стихи и рассказы от других ребят, не членов кружка. Мы радовались, что у нас много новых корреспондентов.

Журнал издаётся без нас!

Дорожки школьного сада снова усыпаны красными листьями. Я брожу по парку, заглядываю в самые отдалённые уголки парка и вспоминаю недавние школьные дни. Я, как и большинство прошлогодних десятиклассников, студентка. Но, приехав в свой город, я прежде всего пошла **в школу**.

Здесь всё такое знакомое и родное. Вот наш класс, вот и библиотека.

— Вам что, девушка? — спрашивает меня библиотекарь, когда я вошла в комнату.

— Что-нибудь Маяковского, — говорю я наугад и вижу, что библиотекарь в школе новый.

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваю я, увидев на полке знакомые пёстрые корешки, — что это за книги?

— Разве вы не знаете? Это рукописные журналы нашей школы. В прошлом году выпускались.

Я хорошо знаю об этом! Но мне хочется послушать, что скажет библиотекарь. Он предлагает посмотреть.

— Пожалуйста, — прошу я.

Но тут открылась дверь, и в комнату почти вбежал семиклассник Лёва Смирнов. Он очень удивился, увидев меня.

— Здравствуй, Нина! — говорит он и радостно сообщает: — А мы тоже журнал выпускаем! Пойдём, покажу.

И он тянет меня в пионерскую комнату.

Здесь на столе в красивом переплёте лежит журнал «Мой друг». Перелистываю страницы. Как много ребят пишут!

Вошла Ирочка Гагарина. Она вспыхнула, увидев меня:

— Здравствуйте! Посмотрите, какой у нас журнал!

— Спасибо, ребята, — взволнованно говорю я.

Мне становится очень радостно.

«Надо, — думаю я, — обязательно написать бывшим кружковцам о судьбе журнала».

Это рисунки из нашего журнала.

Инна Серебровская,
Город Можайск.

РЫБАКИ

Тихо над рекою,
В сумерках поля,
Уж давно погасла
Вечерняя заря.

Удочки закинув,
Наживив крючки,
У костра присели
Наши рыбаки...

За ночь прогорели
Угольки в костре,
Луч весёлый солнца
Рыбаков согрел.

Полетели птицы
В утренний полёт...
Вот ребята тащат
Длинный перемёт.

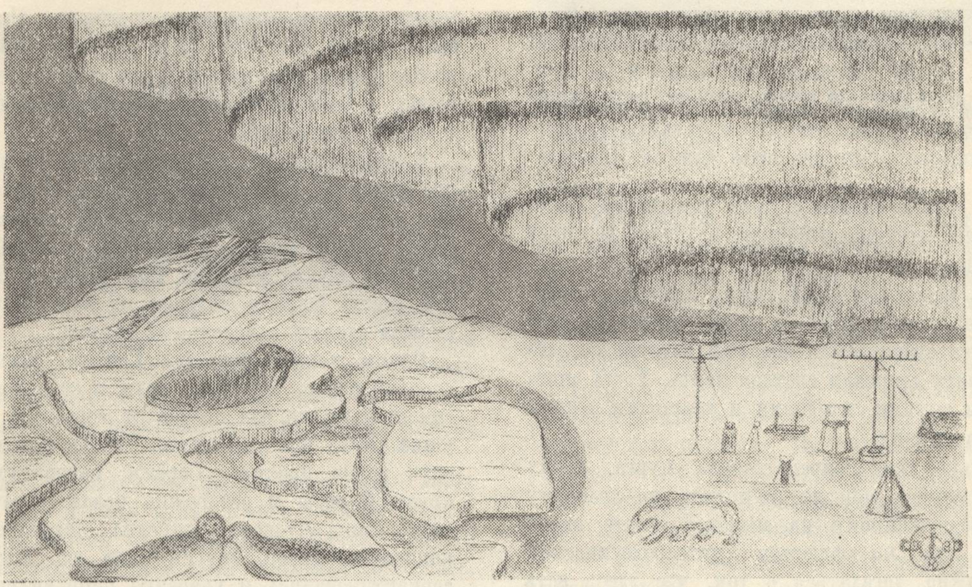
Много рыбы за ночь
Село на крючки,
Разложили рыбу
В вёдра, в котелки.

Удочки связали,
Лесом от реки
По тропинке мчатся
Наши рыбаки.

Вот она, деревня,
На бугре стоит,
Ваня прямо к дому
Своему бежит.

— Открывайте двери,
Рыбы я несу!
Сварим мы сегодня
Славную уху!

Леонид Мстиславский,
г. Ленинск-Кузнецк.

За ледяным полем показалась широкая полоса воды. Сюда приплывают подышать свежим воздухом моржи и тюлени.

Рис. А. Быховской

Чудесная стрелка

Учительница физики объяснила нам значение и устройство компаса и предложила написать сочинение о путешествии с компасом.

Придя домой, я задумался: какую же тему выбрать мне для сочинения? Путешествие по пустыне Кара-Кумы, по широким степям Поволжья, Дальневосточной тайге, Арктике...

Мой выбор пал на Арктику. Сколько приключений и открытий связано с этим суровым краем! Сколько мужественных людей, прославивших науку, воспитала Арктика! Я давно мечтаю плавать на мощном советском ледоколе, открывать новые острова и охотиться на белых медведей.

С мыслью о путешествии по Арктике я лёг спать. И вдруг я очутился в избушке зимовщи-

Я крепко ухватился за канат, идущий до метеорологической будки, и с трудом стал продвигаться.

Рис. В. Рыклина

ков. Мы живём вдвоём с моим товарищем Серёжей и ведём метеорологические и другие научные наблюдения.

Сейчас конец полярной зимы. Ледяная пустыня окутана мраком ночи, и лишь изредка на небе появляются огненные столбы или блестит по всему горизонту широкая светлая лента. Тогда снега озаряются синими, зелёными и красными огнями полярного сияния.

Несколько дней свирепствовала пурга. Нашу избушку совсем занесло. И только по красному флагу, водружённому на высокой мачте около избушки, да по флюгеру метеорологической будки можно догадаться о том, что здесь есть люди.

Была моя очередь снимать показания приборов. Пурга не прекращалась. Я оделся и взял электрический фонарь. Серёжа помог мне выбраться из избушки, потому что ветер чуть не сшиб меня с ног, лишь только я приоткрыл дверь. Я крепко ухватился за канат, идущий от избушки до метеорологической будки, и с трудом стал медленно продвигаться. Наконец я дошел до будки и тем же путём вернулся в избушку.

К утру пурга стихла. Серёжа пошёл изучать течения, а я к метеорологической будке. Иду, и вдруг вижу на снегу какие-то следы. Ого! Да это следы белого медведя! Значит, идём на охоту!

Пообедав, мы взяли ружья, покрепче заперли дверь и на лыжах тронулись в путь.

Наконец вдали, за ледяным полем, показалась широкая полоса воды. Сюда приплывают подышать свежим воздухом моржи и тюлени. Медведи должны быть здесь. Они приходят на охоту за тюленями.

Это так и оказалось. Осторожно приблизившись к полынье, мы вдруг увидели, как два больших медведя и три медвежонка подкрадывались к тюленям, лежавшим на льдине. Вытянувшись и прижавшись ко льду, они медленно ползли, прячась за грудами льда. Но один медвежонок не выдержал, выпрямился и вскочил на все четыре лапы. Тотчас же крикнул сторожевой тюлень, и всё стадо мгновенно нырнуло под лёд. Разочарованные медведи, не замечая нас, медленно побрели обратно.

Мы последовали за ними, стараясь остаться незамеченными. Скоро они скрылись за ближайшей ледяной скалой.

Тут мы вспомнили, что далеко ушли, а скоро нужно снимать показания приборов. Надо спешить домой. Я сунул руку в правый карман, чтобы достать компас, но... его там не было. Наверно, я его выронил, когда упал при спуске с холма. Что делать?

В первый момент мы растерялись, не зная, что предпринять. Потом Серёжа тоже полез в карман и вытащил маленький магнит. Вчера он разбирал радиоприёмник и случайно положил в карман этот магнит от радио. Вот удача! Игла с ниткой всегда была у каждого из нас. Значит, мы сможем сделать самодельный компас.

Одним концом магнита Серёжа провёл несколько раз от середины иглы к её острию, другим столько же раз провёл от середины иглы до ушка. Игла намагнитилась. Теперь осталось сделать самое простое. Серёжа зачерпнул своей кружкой воды и осторожно положил иголку на воду. Наша чудесная стрелка показала одним концом на север, другим — на юг. Мы быстро сориентировались и уверенно направились к зимовке.

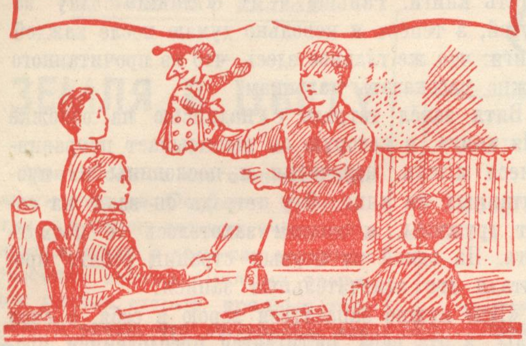
Вот и мачта с флагом. Мы сбрасываем лыжи и входим в избушку...

Вдруг странные звуки заставляют нас насторожиться... Бум... бум...: бум... — слышу я глухие ритмичные удары и невольно считаю их. Раз, два, три... девять. Я открываю глаза... и вижу, что лежу на диване. Бьют часы, висящие на стене.

«А как же сочинение? — с ужасом думаю я. — Хорошо, пусть то, что я видел во сне, и будет моим сочинением».

Леонтий Шаров,
ученик 5-го класса 82-й школы.
Город Горький.

СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО

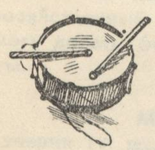
КАК ВЫ ПОМОГАЕТЕ МАЛЫШАМ?

Такой вопрос недавно обсуждался на совете дружины одной тамбовской школы. О своей заботе и помощи малышам рассказывали разные ребята: и те, кто совсем недавно подружился с малышами, и такие «старички», как семиклассники Боря, Витя и Толя, которые давно стали любимыми вожаками своих младших товарищей. Эти мальчики скоро будут комсомольцами, но расставаться с малышами они не собираются.

Дружба началась больше двух лет назад, когда Боря, Толя и Витя учились ещё в пятом классе. Пионеры начали с небольшого. Почти каждый день приходили они в свой «подшефный» класс. На большой перемене играли с первоклассниками, после уроков в раздевалке помогали нянечке одевать их, а потом самых маленьких провожали домой.

Но скоро большие мальчики увидели, что обязанности «шефов» не могут ограничиться только такими мелкими заботами. Они задумались над тем, чем занять малышей в свободное от уроков время.

Вскоре суббота стала самым любимым днём в неделе для малышей. В этот день после уроков к ним приходили пионеры. Витя читал и рассказывал ребятам сказки, другие пионеры разучивали физкультурные упражнения и пирамиды, под руководством Толи разыгрывали весёлые шарады. И всегда такие сборы проходили, как казалось малышам, очень быстро, и они с нетерпением ждали следующей субботы. Однажды пионеры принесли с собой клей, ножницы, картон, бумагу и краски. Так начала работать мастерская теневого театра. Малыши превратились в мастеров-декораторов, театральных портных и художников. И театр у них получался такой, что смотреть их спектакли собирались все ребята младших классов.

Чем больше накапливалось у пионеров общих дел с малышами, тем содержательнее становилась их дружба.

Мальчики в красных галстуках стали для малышей примером во всех их делах и поступках.

— А когда мы будем пионерами?

— Когда мы будем носить галстуки? — спрашивали первоклассники старших товарищей.

И Витя, Толя и Боря на очередном сборе рассказали своим маленьким друзьям о том, что такое пионерская организация, почему пионеры называются ленинцами и кто может быть пионером. Рассказали о том, что пионер должен хорошо учиться, должен быть честным, надёжным товарищем...

В следующую субботу Толя пришёл в галстуке, который он надевал только в особенно торжественные дни. На одном углу этого галстука было вышито: «30 апреля 1925 года». Это был галстук толиного папы. Толин папа тоже был пионером и сохранил свой галстук для сына. А Толя надел его потому, что этот день был особенный: Толя в этот день рассказал ребятам о пионерском галстуке. Он объяснил им также и значение всех пионерских атрибутов и пионерской символики. Пионеры раздали ребятам цветные карандаши и сказали:

— Кто из вас лучше всех нарисует пионерский значок?

Конечно, каждому хотелось нарисовать его как можно лучше.

Когда ребята нарисовали, Витя объяснил значение трёх языков пламени на значке — символа связи трёх поколений — и девиза «Всегда готов», напоминающего юному пионеру-ленинцу о его долге и обязанностях, данных на торжественном обещании, о готовности помочь товарищам, о том, что пионер — всем ребятам пример.

Много других интересных сборов было у младших ребят с пионерами. Один из них назывался «Что ты умеешь делать?». Ребята в этот день пришли с молотками, гвоздями, досками и иголками. Тут же на сборе стали мастерить санки.

Пионеры учили малышей пришивать пуговицы, оторванные карманы, штопать чулки и зашивать дыры на одежде — ведь пионеры должны быть аккуратными.

Боря всегда записывал в особую тетрадь все прочитанные книги. Он научил этому и младших ребят. Оказалось, что они прочитали немало интересных книг, которые можно было обсудить вместе.

Как-то Толя принёс в класс свой «пионерский табель-календарь». Вскоре такие календари были почти у всех. Ребята записали в табель расписание уроков и свой режим дня и отвели место для записи о том, что и когда нужно сделать.

И вот настал день, когда двенадцать «подшефных» малышей, уже третьеклассников, стали пионерами. В этом сборе принимали участие пионеры-семиклассники. Они торжественно передали звену новичков флажок звена семиклассников, которые скоро станут комсомольцами, и книги, собранные ими для будущей отрядной библиотечки 3-го класса.

Вот об этом и рассказали пионеры Боря, Витя и Толя на совете дружины. И все присутствующие увидели, что «шефы» с увлечением выполняли поручение совета отряда, они с удовольствием занимались с младшими ребятами и подготовили из них хороших пионеров. За это время они и сами многому научились. «Уча других, учишься сам», — говорит старая русская пословица.

Занимаясь с малышами, пионеры увидели свои недостатки и ошибки, которых не замечали раньше. Толя, например, рассказал о том, что раньше у него частенько бывали тройки и он мало обращал на это внимания: ведь не двойки же!

— А теперь мне просто стыдно получать тройки. Малыши всегда спрашивают, какие у нас отметки. Как же я им скажу, что у меня есть тройки: я же их вожатый!

И в толином дневнике уже давно нет отметок ниже четвёрок.

Занятия с малышами научили Борю дорожить временем. Ему сначала казалось, что первоклассники отнимут у него много времени. Но оказалось, если временем правильно распоряжаться и не тратить его на пустяки и болтовню, то его хватит и на уроки, и на чтение книг, и даже на футбол, которым Боря увлекается с давних пор. Надо только составить точное расписание своего дня!

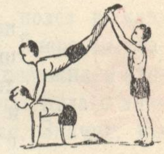
А Витя, который читает очень много, сказал:

— Первоклассники научили меня правильно читать книги. Раньше я их «глотал» одну за другой, а теперь я невольно думаю после каждой книги: что же главное здесь, что из прочитанного можно рассказать малышам?

Витя завёл тетрадь с надписью на обложке «Из книг», в которую он выписывает понравившиеся мысли, изречения и пословицы из прочитанных им книг. Эту тетрадь он взял на совет дружины, и многим захотелось её посмотреть. На одной из первых страниц ребята прочитали две замечательные записи:

«Вам нужно запасаться верою в себя, в свои силы, а эта вера достигается преодолением препятствий, воспитанием воли, «тренировкой» её... Уже и маленькая победа над собою делает человека намного сильнее. Вы знаете, что, тренируя своё тело, человек становится здоровым, выносливым, ловким, — так же следует тренировать свой разум, свою волю» (М. Горький).

А рядом незабываемые слова Михаила Ивановича Калинина: «Хорошо быть пионером в Советской стране. Пионерский возраст — это самые лучшие годы в жизни человека. Вас все любят, вы окружены всеобщим вниманием и заботами, вы — радость и надежда советского народа. Но перед вами ещё более светлое будущее. Будьте готовы встретить это будущее достойными наследниками!

Что для этого требуется? Прежде всего — хорошо учиться, любить свою Родину, быть честными и всячески укреплять товарищество, дружбу между собой».

Эти записи научили Витю вдумываться в прочитанное. Может быть, поэтому его с интересом слушают малыши, поэтому у него получаются такие содержательные классные сочинения.

Помощь младшим товарищам — одна из первых обязанностей юных ленинцев. Каждая пионерская дружина должна выделить для этого лучших своих пионеров.

Читатели о книгах

ЗЕМЛЯ В ЦВЕТУ

Меня больше всего интересуют книги о науке. Особенно о биологии и о наших великих учёных. Из книг я узнал о том, как академик Лысенко своими смелыми опытами разбил старые, вредные теории. Я узнал, что мичуринцы все большие научные проблемы решают в поле, на практике.

С большим интересом я прочёл книгу В. Сафонова «Земля в цвету». В ней увлекательно и понятно рассказывается о Мичурине и Лысенко, об их замечательных открытиях.

В этой книге рассказывается и о ребятах — помощниках великих учёных.

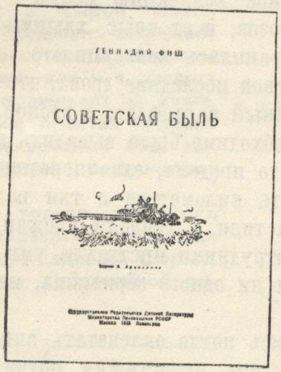
Вот, например, Михаил Соломаха. Ещё будучи юннатом, он получал задания от учёных. А потом ребячья бригада Михаила Соломахи выполняла задания самого Лысенко: воспитывала новый сорт озимой пшеницы для колхозов Украины. Так юннат стал исследователем.

Мне запомнились слова Лысенко: «Нет интереснее науки, чем агрономическая биологическая наука. Читайте Тимирязева. Учитесь у Мичурина. Крепко помните одно: чтобы сделать большое дело, нужно уметь делать маленькое. Делайте маленькое дело, оно будет большим».

Я тоже люблю проводить опыты: я скрещивал фуксию с астрой, привил к яблоне черенок вишни. Всё это, конечно, очень не сложно. Но скоро я окончу семилетку и обязательно поступлю в сельскохозяйственный техникум, тогда я смогу делать более серьёзные опыты.

Миша Семёнов,
ученик 1-й железнодорожной школы Московско-Киевской железной дороги

Советская быль

Так называется вышедшая в Детгизе книга Геннадия Фиша.

В этой книге нет ни малейшего вымысла. В ней описано только то, что было и есть в действительной жизни. Это советская быль, полная героизма, красоты и величия, которая превосходит всякий вымысел и потому читается с бо́льшим интересом, чем многие повести с вымышленными героями и хитроумными приключениями.

Это книга о торжестве советской сельскохозяйственной науки на колхозных полях.

В Москве, в Большом Харитоньевском переулке, в старинном особняке, помещается Академия сельскохозяйственных наук имени Ленина. Всей работой Академии руководит академик Т. Д. Лысенко — верный ученик Мичурина, великого преобразователя природы. Академия тесно связана с народом и разрабатывает такие вопросы, которые имеют важнейшее значение для жизни всей нашей страны. Это подлинно народная Академия, Академия, которая борется за обильные урожаи, за счастье народа.

В 1938 году в Ольгинском районе, Сталинской области, на поля напал клоп-черепашка. Секретарь райкома партии послал телеграмму академику Лысенко: «Спешно командируйте специалиста для участия в защите хлебов от клопа-черепашки». Специалист срочно выехал в район. Напряжённая научная работа закипела и в лабораториях Академии и в колхозных хатах-лабораториях. Для борьбы с черепашкой решили использовать маленькое насекомое — наездника-теленомуса, который уничтожает черепашку. На поля, заражённые черепашкой, надо было выпустить огромное количество теленомусов. Благодаря общим усилиям учёные и колхозники в течение одной зимы решили сложную научную проблему: зимой развели теленомусов, и уже летом 1939 года черепашка была побеждена — урожай был спасён.

Только в Советском Союзе возможно осуществить такую гигантскую работу в такой короткий срок, потому что советские учёные работают не в одиночку, а рука об руку с народом. Обо всём этом вы прочтёте в очерке «Вредная черепашка и теленомус».

Но учёные не только помогают колхозникам оберегать урожай от вредителей: в тесном содружестве они борются за обильные урожаи, о которых издавна создавались сказки и легенды.

В очерке «Впереди легенды» рассказано о напряжённой и радостной борьбе советских учёных и колхозников за небывалые урожаи проса. Особенно интересна глава «Человек, сделавший невозможное» — о колхознике Чаганаке Берсиеве, который, опираясь на передовую советскую сельскохозяйственную науку и свой многолетний опыт,

вырастил и снял невиданный до того урожай проса. Когда Чаганак Берсиев приехал в Москву, чтобы получить орден Ленина, и встретился с академиком Лысенко, Трофим Денисович сказал ему: «До сих пор никто никогда такого урожая не получал. Вы поднялись выше всех, кого знает история земледелия».

Вот советская быль, превосходящая вымысел сказок и легенд!

В очерке «Советская быль и американская сказка» Г. Фиш описывает, с какой героической самоотверженностью, не щадя своих сил, советские учёные, работники Всесоюзного института растениеводства, в самых тяжёлых условиях, во время блокады Ленинграда, спасли достояние народа — лучшую в мире коллекцию семян — и от фашистских бомб, и от жестоких морозов, и от крыс, хлынувших со всего района в помещение, где хранилась коллекция.

Они изнемогали от холода, но отдавали свои последние дрова, чтобы спасти от морозов семенной коллекционный картофель, а весной, когда картофель стал прорастать и его необходимо было высадить в грунт, работники института, истощённые до предела, едва передвигая ноги, на себе перевезли его за девять километров и там под артиллерийским обстрелом посадили, вырастили и собрали урожай, тем самым сохранив великую ценность. Сотрудники института умирали от голода, но не взяли из коллекции ни одного зёрнышка, ни одной картофелины.

И этих самоотверженных героев пытались подло оклеветать английские и американские «учёные»! Для них непостижим подвиг ленинградских учёных. Они не могут понять советских людей, советскую быль.

Не такова быль капиталистической Америки, где фермеры нищают с каждым годом, а учёные пишут унылые книги о том, что человек бессилен бороться с природой, что нищета земледельца неизбежна.

Два разных мира — две разные были.

Б. Шатилов

Читатели о книгах

Эту замечательную книгу я не мог читать без волнения. В ней Герой Советского Союза Медведев рассказывает о партизанском отряде, которым он командовал в годы Великой Отечественной войны. Прекрасно описаны семья Струтинских, Коля Приходько и Коля Маленький, доктор Цесарский и многие другие партизаны.

Но особенно мне понравился Кузнецов — партизан-«невидимка», наводивший ужас на всех врагов своими боевыми делами. Его подвиги легли в основу кинокартины «Подвиг разведчика». Прекрасно зная немецкий язык, в форме фашистского офицера он проник в самое логово врага на Украине. Благодаря ему партизаны знали все планы и намерения противника. Работа Кузнецова требовала необыкновенной смелости и выдержки. Ради общего дела он не жалел своей жизни.

Образ Героя Советского Союза Кузнецова будет для нас примером служения Родине.

Владимир Паршин,
ученик 461-й школы Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

Салют. — *Стихи Олега Бедарева. Рис. В. Константинова* . . . 1 стр.
Тридцать второй год Октябрьской эры . . . . . 2 „
В селе Кущовке. — *Рассказ Б. Шатилова. Рис. Ф. Лемкуля* . . . . 6 „
Две яблони. — *Стихи Ливиу Деляну. Перевод с молдавского З. Александровой. Рис. Е. Ребиковой* 10 „
В свободном Китае . . . . 11 „
Что такое героизм? *(Из заметок учительницы.)* — *Ф. Вигдорова. Рис. К. Кащеева* . . . . 12 стр.
Через год. — *С. Юрьев* 17
Пятый океан. — *Б. Ляпунов. Рис. В. Цельмера* . 21 „
Дети Горчичного рая. *(Продолжение.)* — *Н. Кальма. Рис. В. Цельмера* . . . . 26 „
Наша почта . . . . 33 „
Советы вожатого . . . . 37 „
В мире книг . . . . 39 „
Для тех, кто любит вышивать. . . III и IV полосы обл

На обложке: картина Л. Соловьёва „У стен Кремля“.

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 28/X—49 г. Изд. № 798. 82×110. 1/16 бум. листа.

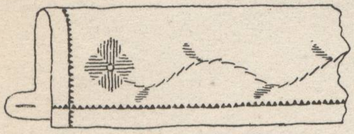
А — 14505. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ № 2439

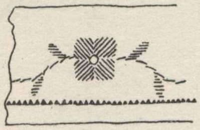
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ ВЫШИВАТЬ

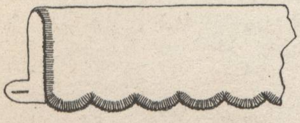
Во все века, у всех народов мы видели стремление украшать свою жизнь, окружающие вещи, жилища. Это стремление к красивому глубоко заложено в каждом человеке. Даже первобытные люди, жившие в пещерах, одевавшиеся в звериные шкуры, с шестами и топорами охотившиеся на мамонта, украшали глиняную утварь узорами. Иногда это была просто каёмка из ямочек, выдавленных пальцем в сырой глине. И всё же этот примитивный орнамент выражает стремление человека к красоте. В простом черепке каша выйдет такой же, как и в расписной посуде; всякий забор огораживает не хуже, чем узорная чугунная решётка; простая полоска на вороте так же придаст аккуратный вид, как и вышитый воротничок, но всякий предпочитает то, что красиво.

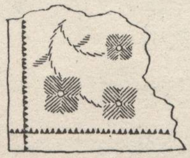
Девочки-рукодельницы не только любуются красивым, но и стараются создавать его своими руками. Как приятно, например, надевать форму, к которой пришит воротничок собственной работы!

Здесь вы видите два образца таких воротничков. Первый можно вышить гладью и подрубить мережкой, у второго зубчатый край может быть выполнен либо швом ришелье либо английской гладью.

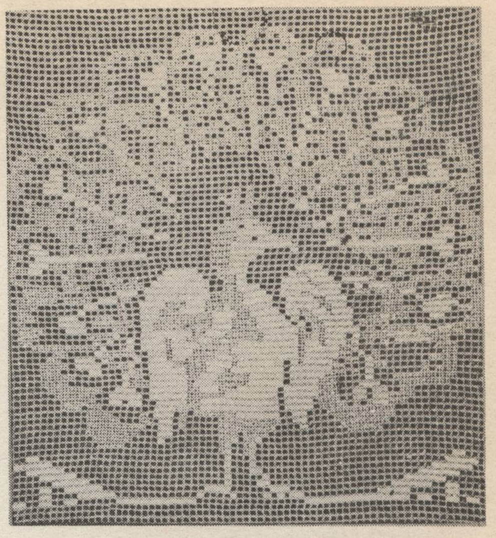

Уголок носового платка, показанный на этом рисунке, вышить нетрудно, а насколько красивее будет выглядеть такой платочек! К тому же это и удобно. Вышивка заменит метку.

В верхнем углу страницы изображена тонкая вышивка филе; её сделала московская школьница Валя Сидорова, занимающаяся в кружке рукоделия Дома пионеров Дзержинского района. Всмотритесь, как хорошо вышит её павлин. Здесь не только удачный рисунок: здесь красивая, аккуратная, гармоничная работа, здесь запечатлён человеческий труд, терпение, настойчивость.

Когда рукодельницы кончают такую сложную вышивку, удовлетворение тем сильнее, чем больше вложено труда. В этом радость творчества.

Переверните страницу,— там, вверху, изображён ковёр. Какой славный рисунок, как мягко и красиво подобраны тона! Это работа двух сестёр, Нади и Зины Иконниковых, членов рукодельного кружка Московского городского Дома пионеров. Полгода вышивали они свой ковёр, сами придумали узор, подобрали тона. Полгода работы, около 25 тысяч крестиков. Если им казался неудачным выбранный цвет, они не ленились распороть и заменить его другим.

Ковёр сделан со вкусом и любовью. В этом заслуга не только девочек: руководительница кружка Ева Александровна Белая помогала им советами, а главное, указала путь к неисчерпаемому источнику красоты — к народному творчеству.

Надя и Зина ходили в музеи, на выставки, знакомились с произведениями, которые создал великий художник — народ. Советуем всем девочкам - рукодельницам обращаться почаще к созданиям народного творчества. Каждый из братских народов Советского Союза имеет свои художественные образцы узоров, орнаментов, вышивок, резьбы.

Внизу вы видите ковёр-сюзане. Узбекские рукодельницы вышивают его вручную, закрывая весь фон и узор особым, плотным стежком. А нельзя ли этот чудесный узбекский узор вышить гладью? Или просто апликацией? Попробуйте, девочки.

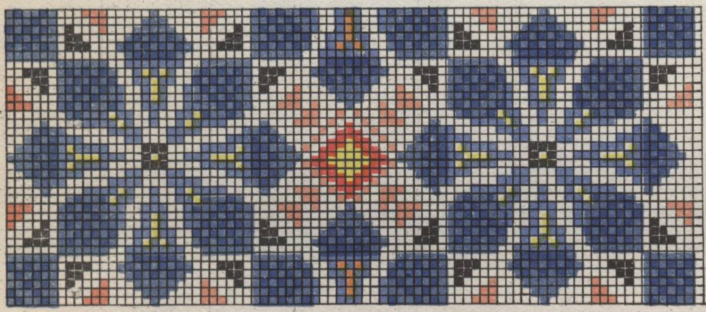
Для тех, кто захочет повторить рисунок ковра Нади и Зины Иконниковых, здесь показано, как вышивать болгарский крест. На последней странице обложки мы даём части этого ковра: в середине слева — голубые звёзды основной части его, справа — уголок каймы.

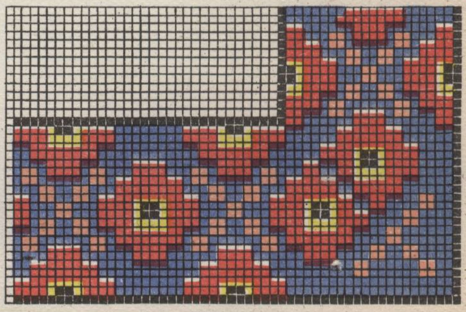
Е. Рубцова

Цена 2 р. 50 коп.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ ВЫШИВАТЬ

О том, как выполнить эти вышивки, прочтите на предыдущей странице.